

8. Zavadskaya I. A. Problemy i perspektivy v izuchenii cherepitsy vizantiiskogo Kryma. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «VIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis» (Sevastopol, 30 maia — 4 iunia 2016 g.)*. Sevastopol, 2016, pp. 44-47.
9. Moiseev D. A. Novye srednekovye goncharye tsentry na yuzhnoy periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nye rezul'taty. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna» (Bakhchisaray, 5-7 sentyabrya 2012 g.)*. Bakhchisaray, 2012, pp. 46-48.
10. Naumenko V. E., Moiseev D. A., Smekalova T. N., Chudin A. V. Novye srednekovye goncharye tsentry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkheologicheskikh i geofizicheskikh issledovaniy). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol, Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya — 5 oktyabrya 2012 g.)*. Sevastopol, 2012, pp. 52-54.
11. Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia srednekovykh pamiatnikov Adym-Chokraskoi doliny Krymskikh predgorii. *Trudy IV(XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, pp. 302-307.

Завадская И. А.

**Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства
Резюме**

В статье освещены результаты изучения черепицы, а именно плоских керамид группы Ia (по эски-керменской классификации), полученных в ходе раскопок средневекового квартала городища на плато Эски-Кермен в 2003–2008, 2013, 2015 и 2016 гг. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой. Скорее всего, данная черепица является продукцией керамического производственного центра, открытого в 2010–2013 гг. на восточном склоне горы Илька в округе Мангупа под руководством В. Е. Науменко. В открытом квартале на Эски-Кермене черепица группы Ia является самой массовой (33% от всего черепичного материала). Согласно данным, полученным в ходе раскопок квартала, черепица группы Ia относится к последнему ремонту кровель его помещений, которые были разрушены в конце XIII в. Статья содержит каталог археологически целых керамид, а также экземпляров с сохранением полной длины и полной ширины группы Ia (всего 81 экз.), которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, Илька, средневековая черепица, керамический производственный комплекс.

Zavadskaya I. A.

**Roof Tiles of Group Ia in Eski-Kermen: On the Question of the Production Site
Summary**

This article sheds light on the results of research of roof tiles, particularly flat box tiles of Group Ia (according to the Eski-Kermen classification), obtained by the 2003–2008, 2013, 2015 and 2016 excavations of a mediaeval quarter of the town on the plateau of Eski-Kermen supervised by A. I. Aibabin and E. A. Khairidinova. Most probably, these roof tiles were produced in the manufacturing centre discovered in 2010–2013 on the eastern slope of Il'ka mountain in vicinity of Mangup by V. E. Naumenko. In the quarter uncovered on Eski-Kermen the roof tiles of Group Ia were the most widespread (33% of all the materials in possession). According to the account collected by the quarter excavations, roof tiles of Group Ia were related to the latest repair of roofs of these buildings, which were destroyed in the late thirteenth century. This article comprises the catalogue of archaeologically complete box tiles and specimens keeping full length and width of Group Ia (81 pieces total), which are introduced to the scholarship for the first time.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, Il'ka, mediaeval roof tiles, ceramic production complex.

В. Е. НАУМЕНКО, А. А. ДУШЕНКО

**КНЯЖЕСКИЙ ДВОРЕЦ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА:
ПОМЕЩЕНИЕ И ЮЖНОГО УЧАСТКА КОМПЛЕКСА
(по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа
и современных археологических исследований)¹**

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Оно расположено в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор на вершине одноименного плато площадью 90 га и высотой около 600 м над уровнем моря. Памятник входит в группу так называемых «пещерных городов» Крыма, объединяющую комплекс разноплановых средневековых поселений и монастырей, обладающих рядом общих признаков. К последним относится, в первую очередь, сочетание на территории этих памятников наземных построек и искусственных пещерных сооружений жилого, хозяйственного, оборонительного, культового назначения.

Археологическое изучение Мангупа было начато еще в середине XIX в. небольшими раскопками графа А. С. Уварова [51, с. 14-15]. В дальнейшем они периодически возобновлялись работами приват-доцента Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна в 1890 г. [3, л. 1-34], директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. [28, с. 266-269; 29, с. 73-79, 149-154; 30, с. 297-300; 31, с. 72-84] и совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. [4, с. 419-429; 50, с. 334-389; 52, с. 390-418]. С 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции на базе Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (ныне Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского), раскопки городища приобрели систематический характер, будучи направленными не только на исследование его крупных архитектурно-археологических комплексов (цитадели на мысе Тешкли-бурун, дворца, Большой трехнефной базилики, синагоги, храмов Св. Константина и Св. Георгия), изучение которых было начато нашими предшественниками и осталось, по разным причинам, незавершенным, но и на исследование новых памятников (линий оборонительных стен, жилой и хозяйственной застройки, производственных центров, некрополей) на территории Мангупского плато и его ближайшей округи.

За многие годы исследований Мангупа накоплен значительный массив археологического материала, публикация которого является, пожалуй, наиболее важной задачей современного этапа изучения городища. Нужно сказать, что результаты раскопок археологических объектов последних лет в целом оперативно вводятся в научный

¹ Статья написана в рамках реализации проекта «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33. 5156. 2017/БЧ, а также научного проекта РГНФ №15-31-10159 «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV-XVII вв. н. э.)». Авторы выражают искреннюю признательность А. Г. Герцену за возможность самостоятельной публикации результатов новейших археологических исследований княжеского дворца Мангупского городища.

оборот. Менее известны материалы исследований середины XIX — начала XX вв., которые, по сути, позволили не только сформировать современные представления о топографии крепости в различные периоды ее истории, установить архитектурно-топографические доминанты городища, но и привлечь на долгие годы внимание специалистов к этому уникальному памятнику средневекового Крыма [подробнее о раннем этапе научного изучения Мангупа см.: 10, с. 228-246]. Скептицизм исследователей, обращавшихся к ним, на первый взгляд, вполне понятен. Слабая методика ведения раскопок, недостаточная графическая и фотофиксация объектов изучения, отсутствие полной описи находок, значительные лакуны в сохранившихся коллекциях артефактов в фондах музеев — реалии, которые нужно учитывать в работе. Тем не менее, изучение археологических коллекций из ранних раскопок городища не выглядит безнадёжным занятием и способно привести к качественному научному результату, особенно если эти штудии сопровождаются новыми исследованиями памятника.

В настоящей работе мы попытаемся подтвердить этот тезис на примере анализа коллекции из раскопок Мангупского городища Р. Х. Лепером в 1912-1914 гг., хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа, и современных исследований одного из важных архитектурно-археологических комплексов южного участка дворца правителей княжества Феодоро — так называемого «помещения Н» (рис. 1-3).

Помещение Н было открыто Р. Х. Лепером, скорее всего, в 1912 г.; он же тогда произвел первые раскопки здания, характер и площадь которых долгое время оставались не ясными. На общем плане дворца, опубликованном в одном из первых кратких сообщений по итогам работ на Мангупе в 1912 г., отмечены практически полные контуры помещения с разрывом в его юго-западной части [29, с. 150, рис. 5]. В течение полевых сезонов 2008-2009 и 2015 гг. нами было осуществлено полное исследование комплекса в ходе возобновившихся (с 2006 г.) археологических исследований Мангупского княжеского дворца экспедицией под руководством А. Г. Герцена. При обработке полученных материалов раскопок и подготовке их к публикации несколько неожиданно удалось существенно пополнить археологический комплекс находок из помещения Н группой выразительных глазурованных сосудов из коллекции Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже. Этим находкам посвящена первая часть статьи, с особым вниманием к интересующей нас группе поливных изделий²; во второй части работы представлены основные результаты современных раскопок помещения Н.

Мангупская коллекция Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже³

В начале несколько общих замечаний о раскопках Р. Х. Лепера на Мангупе. О них в целом известно немного, хотя общий ход и круг археологических объектов, затронутых этими работами, восстанавливается вполне определенно. Раскопки велись в течение трех полевых сезонов (1912-1914 гг.), обычно ранней осенью, вплоть до отстранения директора Херсонесского музея от исполнения своих обязанностей и отъезда из Севастополя. Причиной исследований городища, о чем сообщает сам Р. Х. Лепер, послужила информация о договоренности между И. Крымтаевым — владельцем земель, на которых располагалось городище на тот момент, и севастопольским купцом и коллекционером А. Я. Гидалевичем на право проведения последним

² Выражаем благодарность А. Г. Фурасьеву, хранителю археологической коллекции Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже, за помощь в работе с ней в 2009 и 2015 гг.

³ Первая часть статьи представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на Международной научной конференции «XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования» (г. Керчь, 23-27 мая 2016 г.) и уже опубликованного в тезисной форме [40, с. 313-324].

раскопок в крепости. При этом А. Я. Гидалевич имел возможность оставлять для своих нужд половину находок. Предложение Р. Х. Лепера о совместных работах на памятнике, на условиях равных затрат на их проведение и распределения находок пополам, было принято А. Я. Гидалевичем [29, с. 73]. К сожалению, сам руководитель раскопок бывал на Мангупе редко, фактически перепоручив их ведение опытному рабочему Херсонесского музея Н. З. Федорову, что сказалось, безусловно, на качестве анализа и обработки получаемого материала. Тем не менее, работы носили масштабный характер, особенно в 1912-1913 гг., затронув практически все ныне известные крупные архитектурно-археологические комплексы городища (рис. 1).

Одним из наиболее важных объектов раскопок Р. Х. Лепера стала Большая базилика в центральной части Мангупского плато, открытая еще в 1890 г. Ф. А. Брауном. В процессе работ впервые были установлены полные контуры и основные архитектурные компоненты памятника (три нефа с колоннадами, северная и южная галереи, нартекс, центральная апсида с синтроном, южная апсида, солея), составлен его общий план. Исследования сопровождались раскопками многочисленных погребальных комплек-

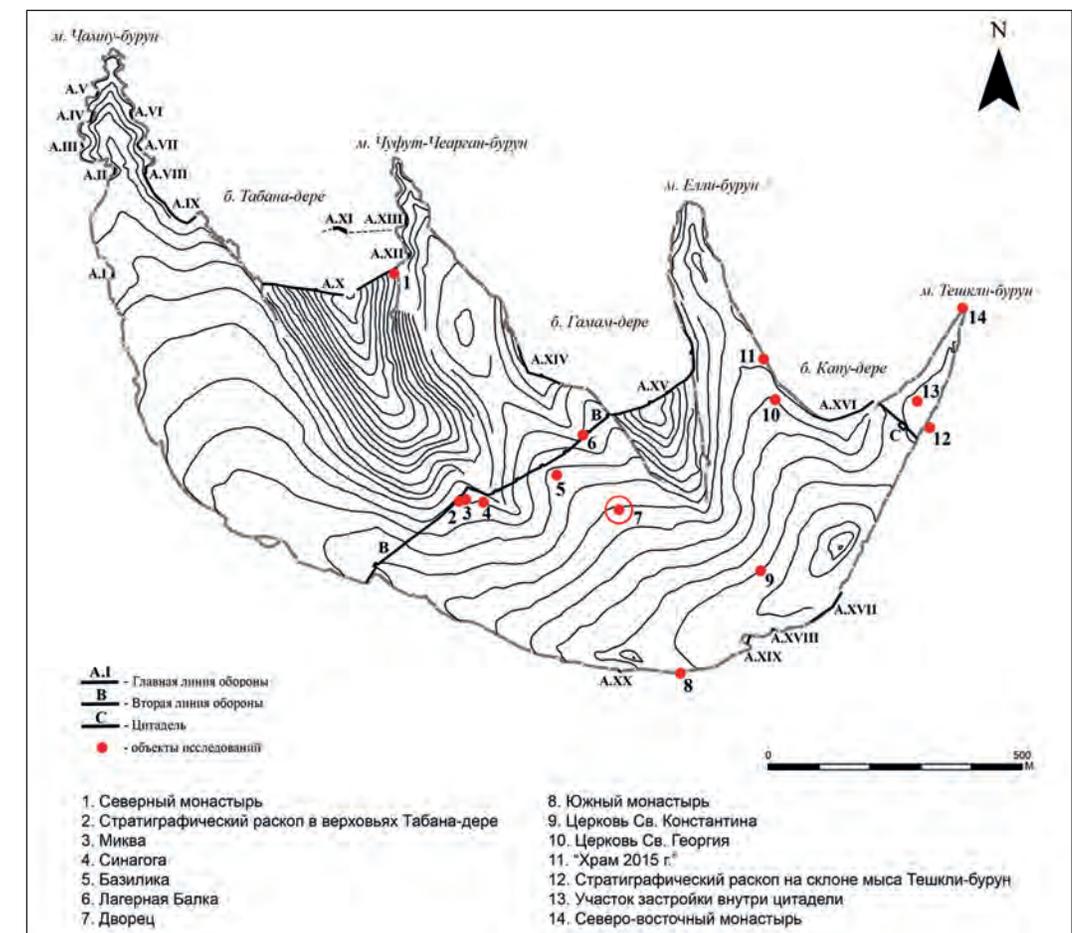

Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований в 1853-2016 гг.

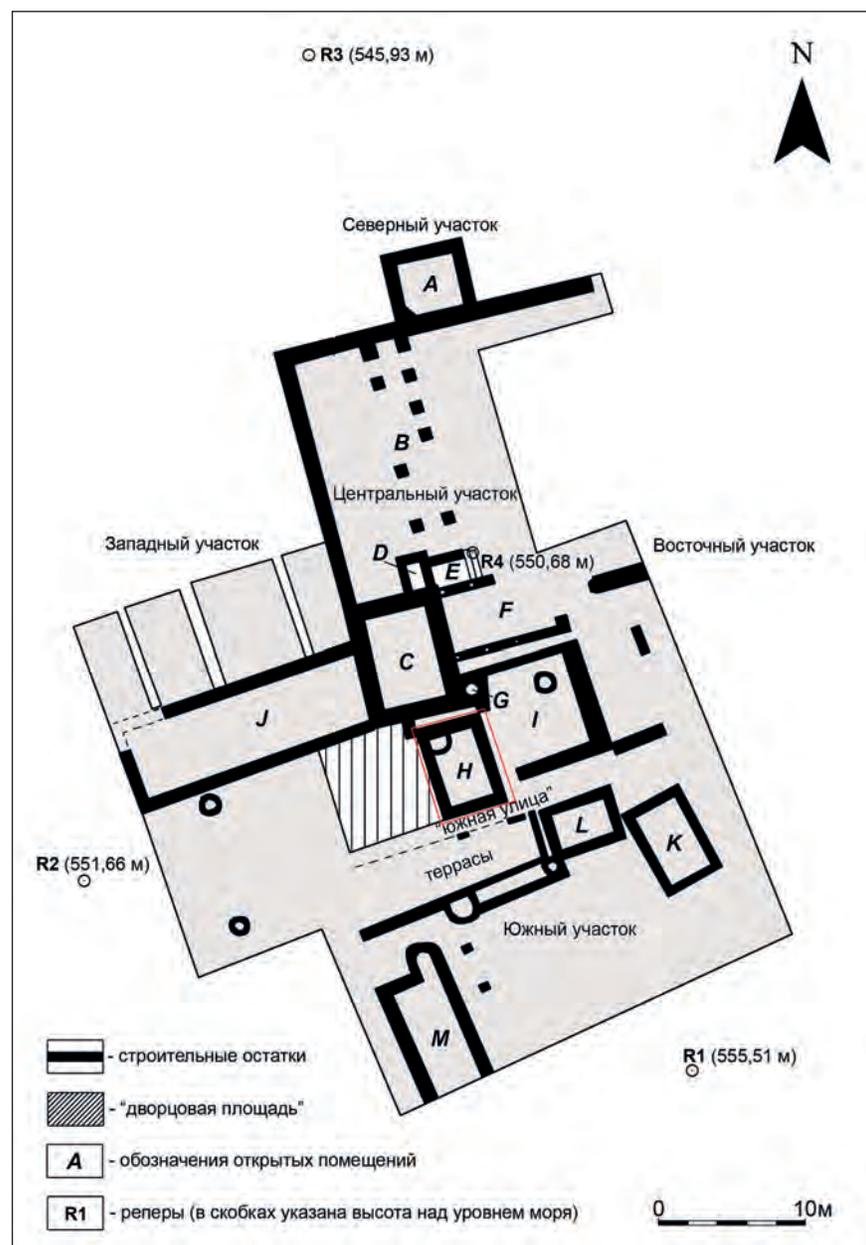

Рис. 2. Дворец. Общий план участков исследований 1912-1914, 1938, 1968, 1974 и 2006-2016 гг. (красным цветом выделено помещение Н)

сов внутри храма. Для дальнейшего изучения базилики и в целом истории Мангупа важное значение имели эпиграфические находки, особенно фрагмент плиты с именем византийского императора Юстиниана I (527-565) и надпись 1361-1362 гг. с упоминанием о работах по восстановлению города Феодоро и строительству некоей «Пойки», произведенных гекатонтархом Хуйтани [27, с. 18-19, рис. 1; 32, с. 9-14, рис. 2].

Другим центральным объектом исследований 1912-1914 гг. стал дворец правителей княжества Феодоро. В ходе раскопок был составлен его общий план на площади более чем 1000 м², включавший, на момент завершения работ, девять архитектурных комплексов — оборонительную башню (помещение А), большое двухэтажное здание (С), две галереи с колоннадами (В и F), а также ряд вспомогательных помещений (D, E, G, H, I) [29, с. 149-154, рис. 5]. Время строительства дворца справедливо увязывалось с датировкой строительной надписи 1425 г. с именем князя Алексея, выявленной при раскопках башни в 1912 г. [32, с. 33-35, рис. 10].

Наконец, третьим важнейшим районом исследований Р. Х. Лепера являлся мыс Тешкли-бурун с прилегающей территорией Мангупского плато. В цитадели были полностью раскопаны ее двухэтажная башня-донжон [31, с. 79-80] и так называемая «гарнизонная церковь» [29, с. 154, рис. 9], завершены начатые Ф. А. Брауном исследования октагонального храма [подробнее о них см.: 13, с. 229]. За пределами цитадели раскопки проводились, прежде всего, на площади церкви Св. Георгия и ее некрополя в верховьях мыса Елли-бурун, где был найден фрагмент плиты с рельефным изображением Св. Георгия Победоносца, что дало возможность отождествить храм с одноименной церковью, которую видел Мартин Броневский еще в 1578 г. [29, с. 74-75]. Кроме того, сохранились краткие упоминания Р. Х. Лепера о расчистках пещерного монастыря с фресками на южном склоне Мангупа [30, с. 299], скальных гробниц над главными воротами в крепость и на эспланаде цитадели.

Помимо базилики, дворца и памятников в округе цитадели раскопками 1912-1914 гг. были охвачены объекты в районе балки Табана-дере, связанные с жизнью караимской общины Мангупа. Главное внимание здесь, безусловно, было приковано к синагоге и караимскому некрополю. Однако в одном из своих предварительных сообщений Р. Х. Лепер упоминает также о расчистке пещерной церкви с калиткой у оборонительной стены в Табана-дере [29, с. 76], которая ныне уверенно отождествляется с так называемым «Северным монастырем» городища [6, с. 26-30].

Рис. 3. Дворец. Современное состояние (Новиков В. В.; аэрофото 2015 г.). Латинскими литерами обозначены исследованные в 1912-1914, 1938, 1968, 1974 и 2006-2015 гг. помещения дворцового комплекса

Несмотря на значительный объем работ 1912-1914 гг., подробный отчет об их результатах так и не был подготовлен. Краткие сообщения о ходе раскопок, опубликованные в Известиях ИАК и протоколах заседаний ТУАК, не компенсируют этот пробел. Позднее Л. А. Моисеев, преемник Р. Х. Лепера на посту директора Херсонесского музея, попытался дать обзор результатов исследований на Мангупе в 1913-1914 гг. в специальной публикации, основываясь на записях полевых дневников, сообщениях участников экспедиции и личных впечатлениях в процессе осмотра археологических объектов. Однако и здесь текст изобилует лакунами, как, например, при описании работ 1914 г. на дворце. Ценность этой статьи заключается в большом количестве уникальных фотографий, на которых запечатлены исследованные археологические памятники и таблицы наиболее ярких находок [31, с. 72-84]. Одновременно В. В. Латышевым было издано шесть фрагментированных надписей, в том числе уже упомянутая с именем императора Юстиниана I [27, с. 17-21]. Дальнейшая судьба материалов раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе восстанавливается по материалам архивных и фондовых собраний в музеях Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга.

Нам не известно, были ли в действительности выполнены условия соглашения между Р. Х. Лепером и А. Я. Гидалевичем, особенно в части передачи последнему половины находок из проведенных на Мангупе раскопок. Во всяком случае, об этом нигде не упоминается в архивных и опубликованных материалах. В отношении же коллекции, связанной с именем Р. Х. Лепера, можно уверенно говорить, что вся она по завершении работ вначале оказалась в Херсонесе. Сюда же была передана полевая документация экспедиции (дневники, рабочие чертежи, фотографии), которая до сих пор хранится в музее (см. научный архив ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (далее — НА ГИАМЗ ХТ), дела №№ 87а, 90, 107, 108, 123, 129, 143, 144, 560, 1527).

Однако, еще самим Р. Х. Лепером в феврале 1914 г., очевидно, наиболее яркая часть коллекции из раскопок 1912-1913 гг. была отправлена в Санкт-Петербург (всего 287 предметов согласно описи) (НА ГИАМЗ ХТ, дело №123, л. 2-5). Ныне значительная ее часть хранится в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Средней Азии Государственного Эрмитажа (коллекция № 1808; всего 233 предмета, объединенные в 177 инвентарных номера)⁴. Основная же группа предметов оставалась в Херсонесе вплоть до 1938 г., когда она была передана в фонды формирующегося Музея «пещерных городов» в Бахчисарае (НА ГИАМЗ ХТ, дела № 107 и 108). В настоящее время Бахчисарайская коллекция, совершенно не известная в литературе, насчитывает несколько тысяч артефактов, сгруппированных в 1396 инвентарных номера. До конца не ясной остается судьба лапидарной коллекции из раскопок 1912-1914 гг. на Мангупе. Скорее всего, большая часть ее, на момент передачи в Бахчисарай, осталась на хранении в Херсонесе.

Обращаясь к Мангупской коллекции в Государственном Эрмитаже, нужно заметить, что она практически не введена в научной оборот. Опубликованы лишь фрагмент погребальной пелены из грубой ткани с золотой канителью из раскопок, очевидно, базилики [41, с. 287-288, рис. 4]⁵ и частично группа глазурованных сосудов,

⁴ 22 предмета ныне находятся на временном хранении в Отделе Востока, либо в экспозиции музея. При этом нужно отметить, что в Эрмитаж находки поступали в два этапа — из Императорской археологической комиссии в 1915 г. (142 из 177 номеров по описи) и Государственной Академии истории материальной культуры в 1925-1926 гг.

⁵ Выражаем признательность А. Г. Герцену за указание на эту редко цитируемую в литературе работу.

связанных с изучением дворцового комплекса Мангупского городища, хотя и без точной привязки к объектам исследований на его площади [21, с. 116-117, 122-123 (группа II, тип 2), табл. 2; 35, с. 100-102, рис. 42,1-7; 43-45; 36, с. 294-295, рис. 2,5-6; 5-6; 9; 25, с. 370-374; 26, с. 217-220, № 451-456]. Однако, информативные возможности коллекции представляются значительно большими.

По материалу хранящиеся в Эрмитаже находки можно разделить на 11 групп, количественные характеристики которых представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1913 гг.
Основные группы находок**

№ п/п	Наименование группы предметов	Количество (шт.)
1	Изделия из драгоценных металлов	67
2	Изделия из бронзы	12
3	Изделия из железа	43
4	Изделия из стекла	5
5	Бусы из различных материалов	14
6	Изделия из кости и рога	27
7	Ткани	2
8	Глиняные курительные трубки	18
9	Бытовая неглазурованная керамика	6
10	Глазурованная керамика	36
11	Сосуды из фаянса	3
	Всего:	233

Комментируя таблицу, остановимся лишь на некоторых моментах. Самая многочисленная категория изделий из золота и серебра состоит, главным образом, из украшений и деталей костюма (серьги, кольца, пуговицы, цепочка из звеньев крученой золотой проволоки с бусинами синего пастового стекла). Группа предметов из железа включает инструменты (ножницы, долото), бытовые (поясные пряжки, иглы, ножи, детали замков, ключи, подковы) и культовые (кресты) предметы, немногочисленное оружие (лезвие сабли, дротик и наконечники стрел). Поливная керамика представлена, в основном, красноглиняными сосудами, покрытыми монохромной (желтой) либо полихромной (желтой с зеленой или коричневой подцветкой) глазурью, с орнаментом в технике «сграффито», изготовленными в гончарных центрах Крымского полуострова в XIV-XV вв. (группы «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware»). Среди них выделяется серия мисок и тарелок с монограммами в виде греческих букв «хи» и «тау» («ГХ») (№№ 1808/70, 83-87, 93-94)⁶. Импортная керамика представлена поздневизантийской (группы «Glazed White Ware IV» (№ 1808/21), «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий») (№ 1808/89), «Slip-Painted Ware» (№ 1808/81) и «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91)) и раннеосманской поливной посудой

⁶ Нумерация находок приведена согласно инвентарной описи Государственного Эрмитажа. Здесь и далее атрибуция различных групп глазурованной керамики дана для удобства по определителю И. Врум [54].

(группа «Miletus Ware») (№№ 1808/17, 22, 74-78, 92), более поздними по времени бытования глазурованными изделиями группы «Polychrome Marbled Ware» (№№ 1808/14, 16), фаянсом групп «Iznik Ware» (№№ 1808/18, 41, 175) и «Kütahya Ware» (№ 1808/20).

Как видно, большая часть предметов из Эрмитажной коллекции Р. Х. Лепера, которая поддается достаточно точной атрибуции, в том числе хронологической, относится к поздним периодам в истории Мангупа (XIV-XVIII вв.). Это наблюдение объясняется довольно просто. Основными объектами исследований в 1912-1914 гг. являлись памятники, где культурные горизонты этого времени лучше всего представлены — базилика, дворец, синагога, цитадель, церковь Св. Георгия, на что уже неоднократно указывалось в литературе [17, с. 88-100].

Одной из важнейших задач нашей работы является установление, по возможности, максимально точной атрибуции предметов коллекции. Описи Эрмитажа позволяют соотнести с известными объектами исследований 123 из 177 (около 70%) инвентарных номеров фондового собрания, что отражено в таблице 2.

Таблица 2.

Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1913 гг.

№ п/п	Наименование группы предметов	Количество инвентарных номеров
1	Большая трехнефная базилика	83
2	Дворец правителей княжества Феодоро (1425-1475 гг.)	25
3	Некрополи на эспланаде цитадели и над главными крепостными воротами	8
4	Донжон цитадели на м. Тешкли-бурун	3
5	«Малый храм» (очевидно, октагональный храм цитадели)	3
6	Церковь Св. Георгия	1
7	Не определенное местонахождение	54
	Всего:	177

Из данной таблицы хорошо видно, что далеко не все объекты исследований 1912-1914 гг. нашли отражение в описи находок, в том числе синагога, караимский некрополь и Северный пещерный монастырь в балке Табана-дере, Южный пещерный монастырь и «гарнизонная» церковь на мысе Тешкли-бурун. Однако и для территориально атрибутированных находок также проблематичным является установление их более точного археологического контекста, чем просто констатация их привязки к названию отдельного памятника или комплексам на его площади. К примеру, шифры предметов из раскопок базилики, в лучшем случае, содержат надписи «могила за алтарной апсидой», «могила с южной стороны алтаря» и т. д. При отсутствии точного плана раскопа этого явно недостаточно, чтобы оценить точные стратиграфические условия обнаружения артефактов.

Исключением в этом смысле являются 12 поливных сосудов (№№ 1808/83-94), найденные, согласно описи, в «яме ниже пола «дворца» с надписью 1425 г.». Сопоставление этих данных с архивными материалами Р. Х. Лепера и результатами новейших раскопок памятника неожиданно позволяют точно атрибутировать этот археологический комплекс.

Серия глазурованных сосудов из ямы Р. Х. Лепера состоит из нескольких, по происхождению, групп изделий. Девять мисок и блюд (группы «Monochrome Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware») представляют продукцию местных гончарных центров и изготовлены, очевидно, в середине — третьей четверти XV в. (№№ 1808/83-88, 90, 93-94) (рис. 4-5; 6,1,3; 7,1) Семь из них на внутреннем поле изделий имеют монограмму «ТХ», традиционно встречающуюся на памятниках княжества Феодоро в горном и южнобережном Крыму [35, с. 94-96, рис. 43-45]⁷. Еще два сосуда, несомненно, византийского происхождения — миска группы «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91) (рис. 7,2) [35, с. 93, рис. 42,1] и фрагмент дна сосуда на кольцевом поддоне группы «Elaborate Incised Ware», покрытого монохромной желтой глазурью, с монограммой «ДМР», которая обычно расшифровывается как «Димитрий» (№ 1808/89) (рис. 6,2) (36, с. 297, рис. 1,1). Наконец, засыпь ямы содержала раннеосманскую тарелку с подглазурной росписью кобальтом группы «Miletus Ware» (№ 1808/92) (рис. 7,3) [35, с. 93, рис. 42,7]. Такие изделия, производившиеся в Изнике, обычно встречаются на памятниках Крыма (Мангуп в этом смысле не является исключением) в комплексах 1450-1475 гг. [14, с. 408; ср.: 43, с. 393-394].

В кратких сообщениях Р. Х. Лепера содержатся упоминания о двух раскопанных им во дворце ямах. Одна, пристроенная к восточной стене помещения С, обозначена литерой G и интерпретирована как «ретирад для верхнего этажа» (туалет) [29, с. 152]. Вторая яма, открытая в северо-западном углу помещения H, содержала «массу поливных черепков, среди них много от чаш с желтой поливой и крупными вдавленными коричневыми знаками в виде буквы X; среди поливных попадаются также и черепки не встречающегося в Херсонесе типа с синим и красным⁸ узором по белому фону (турецкие)?» [29, с. 153]. Под последним типом глазурованных сосудов, очевидно, имеются ввиду раннеосманские изделия группы «Miletus Ware». В сопроводительном письме Р. Х. Лепера в ИАК, приложенном к ящику «мангупских древностей» (НА ГИАМЗ ХТ, д. № 143, л. 20), вновь отмечены фрагменты поливных сосудов с монограммой «ТХ», происходящие из ямы в помещении H [выделено авторами]. Таким образом, анализ архивных материалов позволяет установить точное происхождение серии поливных сосудов из раскопок Мангупского дворца в 1912-1914 гг., хранящихся в Государственном Эрмитаже.

**Помещение H Мангупского княжеского дворца.
Раскопки 2008-2009 и 2015 гг.**

Мангупский княжеский дворец известен исключительно благодаря его археологическим исследованиям, так как, в отличие от других архитектурно-топографических доминант Мангупского городища, он не упоминается путешественниками и историками средневекового и Нового времени. Фактически открытие резиденции правителей княжества Феодоро произошло только в 1912 г., когда проводивший на тот момент раскопки Мангупа Р. Х. Лепер обратил внимание на земляной холм в центральной части Мангупского плато. Ему в течение 1912-1913 гг. удалось открыть контуры ряда крупных архитектурных объектов, составляющих ныне центральную часть дворцового комплекса — помещений А, В, С, Д, Е, F, G, H и I, и выдвинуть, с учетом находки строительной надписи 1425 г., гипотезу о времени

⁷ В. Л. Мыц, впервые опубликовавший данную группу поливных сосудов, указал на их происхождение с площади раскопок дворца, но не обратил внимания на дополнительные сведения в инвентарной описи Государственного Эрмитажа

⁸ Здесь явная ошибка Р. Х. Лепера — скорее всего, коричневый (или темно-коричневый) цвет линий узора.

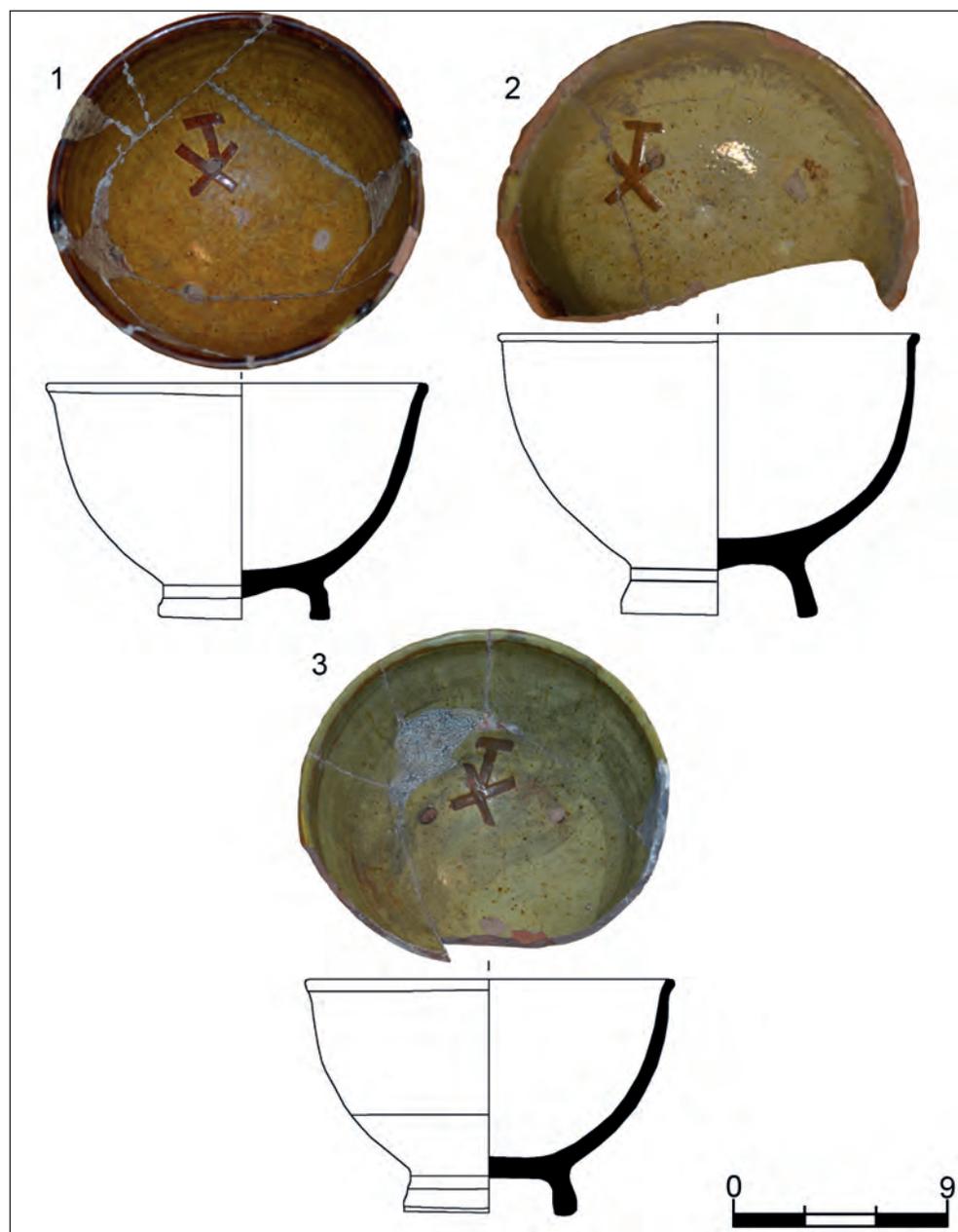

Рис. 4. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика группы «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой TX (1 — № 1808/86; 2 — № 1808/87; 3 — № 1808/94)

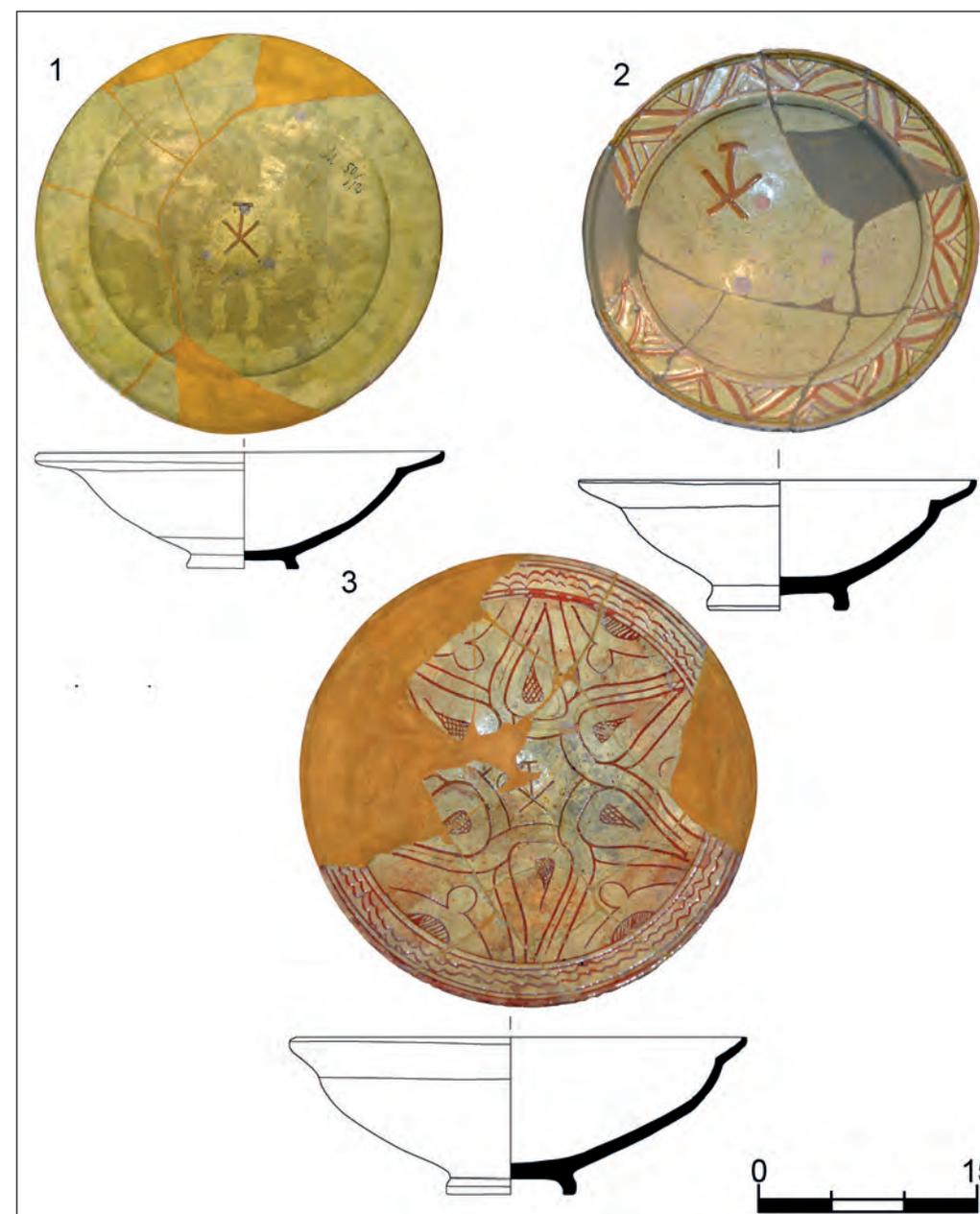

Рис. 5. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика группы «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой TX. (1 — № 1808/83; 2 — № 1808/84; 3 — № 1808/93)

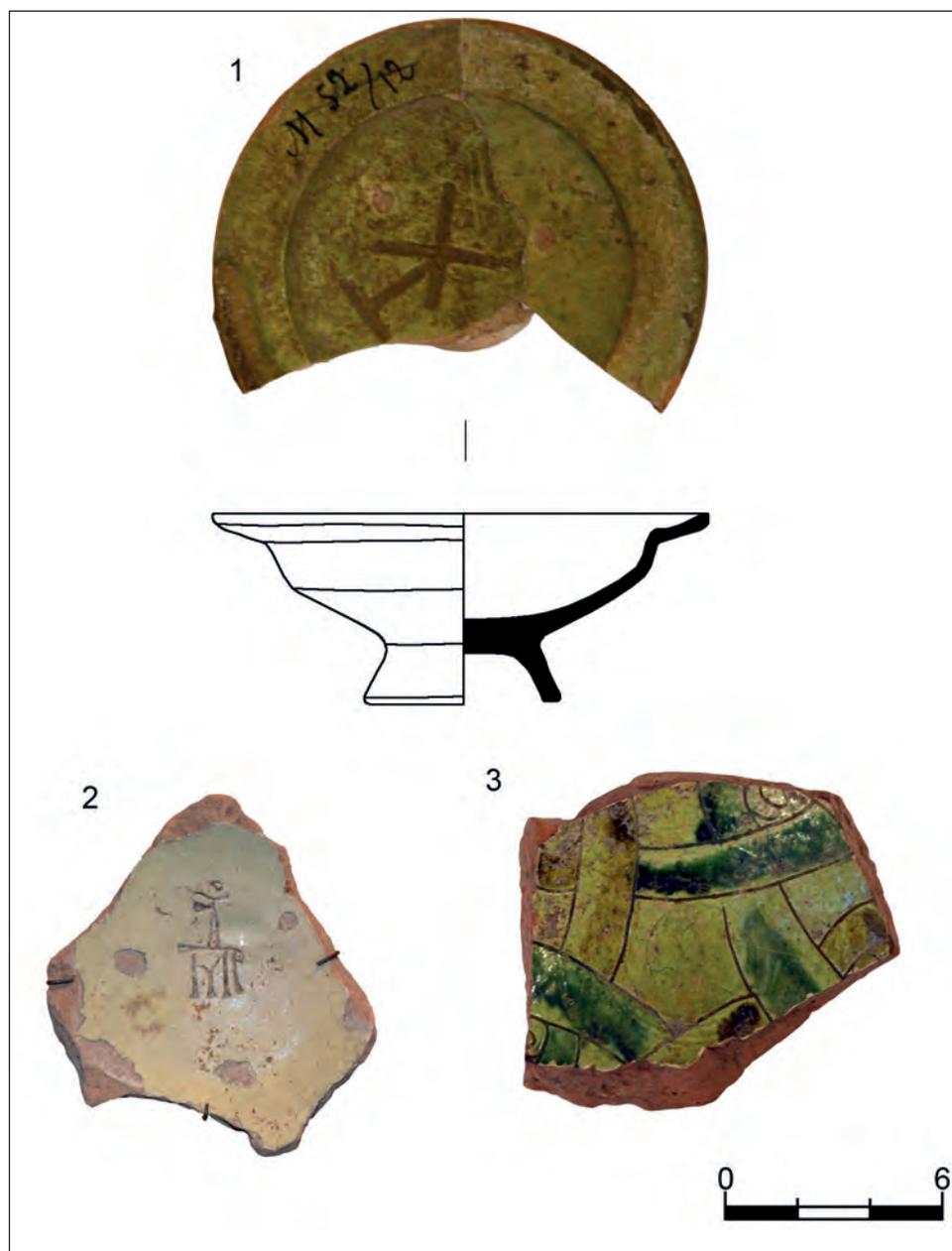

Рис. 6. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика. 1 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой TX (№ 1808/85); 2 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой «Димитрий» (№ 1808/89); 3 — группа «Polichrome Sgraffito Ware» (№ 1808/90)

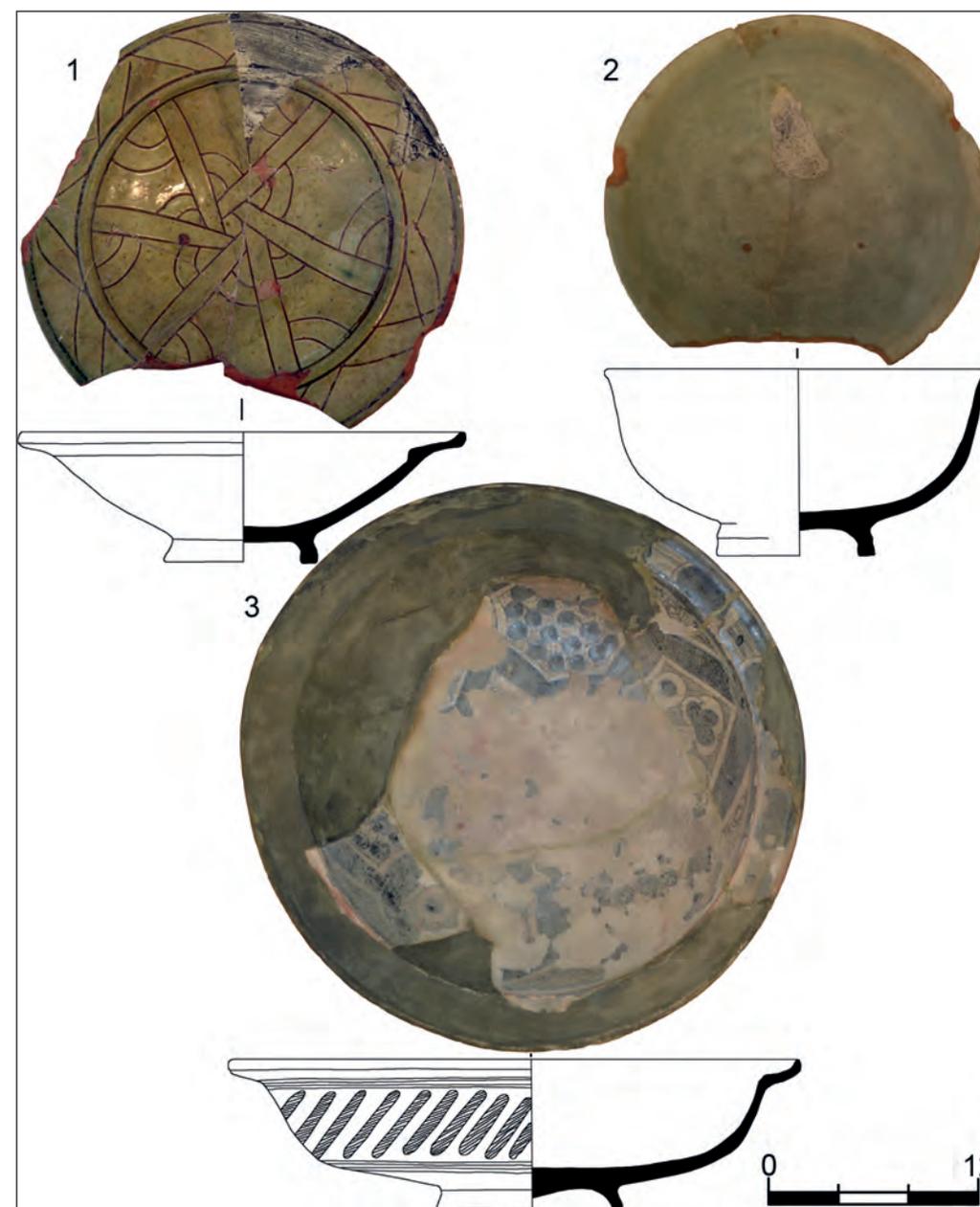

Рис. 7. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика. 1 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» (№ 1808/88); 2 — группа «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91); 3 — группа «Miletus Ware» (№ 1808/92)

его сооружения [29]. В дальнейшем открытые архитектурные компоненты дворца доследовались А. Л. Якобсоном в 1938 г. [52], Е. Г. Суровым в 1968 г. [42] и Е. В. Веймарном в 1974 г. [5]. В целом, подводя итоги раннего этапа изучения комплекса, необходимо сказать, что эти работы позволили не только усилить высказанную Р. Х. Лепером гипотезу в отношении хронологии памятника, но и сформировать источниковую базу для длительной дискуссии о его архитектурно-художественной композиции. В рамках этой дискуссии рассматривались две гипотезы — об асимметричности плана дворца, северную и юго-восточную границы которого определяли трехэтажная оборонительная башня (помещение А) и двухэтажный парадно-жилой комплекс (помещение С) (А. Л. Якобсон), и версия о симметричной (прямоугольной) планировке памятника, полностью ограниченного на местности крепостными стенами (Е. Г. Суворов). Кроме того, исследователями были высказаны предположения о возведении дворца правителей Феодоро на месте крупного общественного комплекса или группы усадеб XIV в. (А. Л. Якобсон), а также об использовании данного участка Мангупского плато в раннесредневековое и «турецкое» время (Е. В. Веймарн) [подробнее см.: 14, с. 388-396].

Слабая опубликованность результатов раскопок дворца в XX в., депаспортизация вещественных находок в музейных собраниях полуострова, сомнения в правомерности реконструкции композиционно-художественного облика памятника стали причинами возобновления его археологического изучения в 2006 г. В течение 2006-2010 гг. были полностью доследованы все известные прежде архитектурные комплексы дворца, а также выявлен ряд новых объектов (помещения К, L, M), определяющих, вместе с уже известными помещениями Н и I, трассу так называемой «южной дворцовой улицы» — южной топографической границы дворцового ансамбля [14, с. 396-397]. В 2014-2017 гг. раскопки велись в западной части памятника, на площади новых архитектурных объектов дворцового комплекса — помещения J и так называемой «южной дворцовой площади» (рис. 2-3) [16, с. 204-206; 18, с. 8-12; 19, с. 130-132]. Отдельные материалы новейшего этапа исследований Мангупского дворца уже введены в научный оборот, либо стали предметом обсуждения в виде докладов на научных конференциях [9, с. 18-19; 14, с. 387-419; 12, с. 96-105; 34, с. 184-189; 22, с. 294-296; 23, с. 333-352; 39, с. 93-95; 24, с. 222-247; 20, с. 252]. Здесь же ограничимся лишь самыми общими замечаниями в отношении основных результатов этих раскопок.

Прежде всего, не вызывает сомнений хронология княжеского дворца Мангупского городища — в пределах 1425-1475 гг., и наличие в его истории нескольких, несмотря на узкую дату функционирования, строительных периодов. Другой важный вывод, следующий из современных раскопок памятника на площади уже около 2000 м², касается активного использования данного участка Мангупского плато на протяжении практически всей истории городища. В стратиграфии участка исследований на месте дворцового комплекса зафиксированы отдельные следы жилой и хозяйственной застройки ранневизантийского (VI-VII вв.), фемного (IX-XI вв.), золотоордынского (XIV в.) и османского (XVI-XVII вв.) периодов в истории Мангупа. Эти комплексы сосредоточены, главным образом, в южной и западной частях памятника, менее пострадавших, очевидно, в процессе строительства дворцового ансамбля в 20-е гг. XV в. и продолжавших использоваться после его разрушения в 1475 г. Наконец, исследования Мангупского дворца на широкой площади в последние годы и особенно открытие новых архитектурных комплексов, связанных с ним планиграфически, показывает необходимость окончательно отказаться от существующих в историографии гипотез о планировке и композиционно-художественном облике памятника. Дворец, безусловно, имел значительно большую площадь и

иную планировочную структуру, чем это представлялось в свое время А. Л. Якобсону и Е. Г. Сувору. Лишь продолжение раскопок на памятнике поможет решить эту научную проблему в будущем.

Помещение Н, итоги изучения которого представлены в статье, является одним из определяющих для хронологической и функциональной характеристики южного участка дворцового комплекса, который планиграфически сосредоточен вокруг трассы «южной дворцовой улицы». Об этом свидетельствует, прежде всего, расположение здания (рис. 2). С севера оно отделено от центрального архитектурного комплекса дворца (помещения С) небольшим простенком длиной 5,30 м и шириной 0,68-0,84 м, завершающимся двумя каменными пилонами. С востока к нему примыкает помещение I, с юга — «южная дворцовая улица», с запада — «южная дворцовая площадь», которая датируется, по материалам исследований 2014-2015 г., поздним периодом в истории Мангупского дворца — временем около 1454-1475 или 1462-1475 гг. [19, с. 131-132].

Как уже было сказано, практически полностью контуры помещения Н были установлены Р. Х. Лепером еще в 1912 г.; он же тогда произвел первые раскопки здания, ограничившись, как сейчас становится понятным, только выборкой заполнения ямы в северо-западном углу постройки. Возможно, зачистки отдельных участков стен помещения происходили и позднее, в 1938 и 1974 гг., но проследить их в стратиграфии памятника не представляется возможным. В любом случае, к моменту начала наших работ внутри помещения в 2008 г. на его площади образовался мощный «слой отвалов» из предыдущих раскопок, который удалось убрать в первый полевой сезон и зачистить, в результате, сохранившиеся *in situ* культурные напластования. Их полное доследование, а также раскопки отдельных хозяйственных комплексов здания (ямы № 34 в северо-западном углу и очага в северо-восточном углу) производились в 2009 г. Тогда же при зачистке скальной поверхности внутри помещения Н была открыта часть более раннего скального сооружения, перекрытого западной стеной здания (кладкой 22). Его раскопки удалось завершить в 2015 г. Результаты археологических исследований памятника позволили получить необходимую информацию о его планировке, хронологии и строительной периодизации.

Описание строительных остатков. Выявленные в ходе раскопок строительные остатки представлены помещением Н, связанным с ним очагом, а также предшествующими зданию ямой № 34 и скальным сооружением (рис. 9).

Помещение Н в плане представляет собой постройку прямоугольной формы, сориентированную по оси север-юг, с небольшим отклонением к западу (рис. 8-9; 11-12; 15,а; 16,а). Его общие размеры — 7,80x5,20 м, внутренние — 6,20x3,60 м; не сохранились юго-восточный и юго-западные углы здания. Все стены помещения сложены вперевязь, в одинаковой строительной технике трехслойной, двупанцирной с забутовкой кладки, на известковом связующем растворе, из бутового среднего и крупного размеров камня с незначительной лицевой подтеской. Углы оформлены хорошо обработанными блоками; ряды кладки выдержаны, для чего использовался мелкий камень и крупные фрагменты керамики. Стены постройки поставлены на скалу, либо, в местах ее неровностей, на поверхность нивелировочных грунтовых подсыпок. Основанием для возведения западной стены помещения (кладки 22) послужила нивелировочная грунтовая засыпка скального сооружения и верхний уровень каменной обкладки ямы № 34. Ширина всех стен постройки составляет 0,80 м, сохранность в высоту — от 1-го до 4-х рядов кладки (до 1,20 м) (рис. 11-12). Изнутри они были хорошо оштукатурены, о чем свидетельствует мощный слой известковой штукатурки (слой № 6), упавшей на «пол» помещения в процессе его раз-

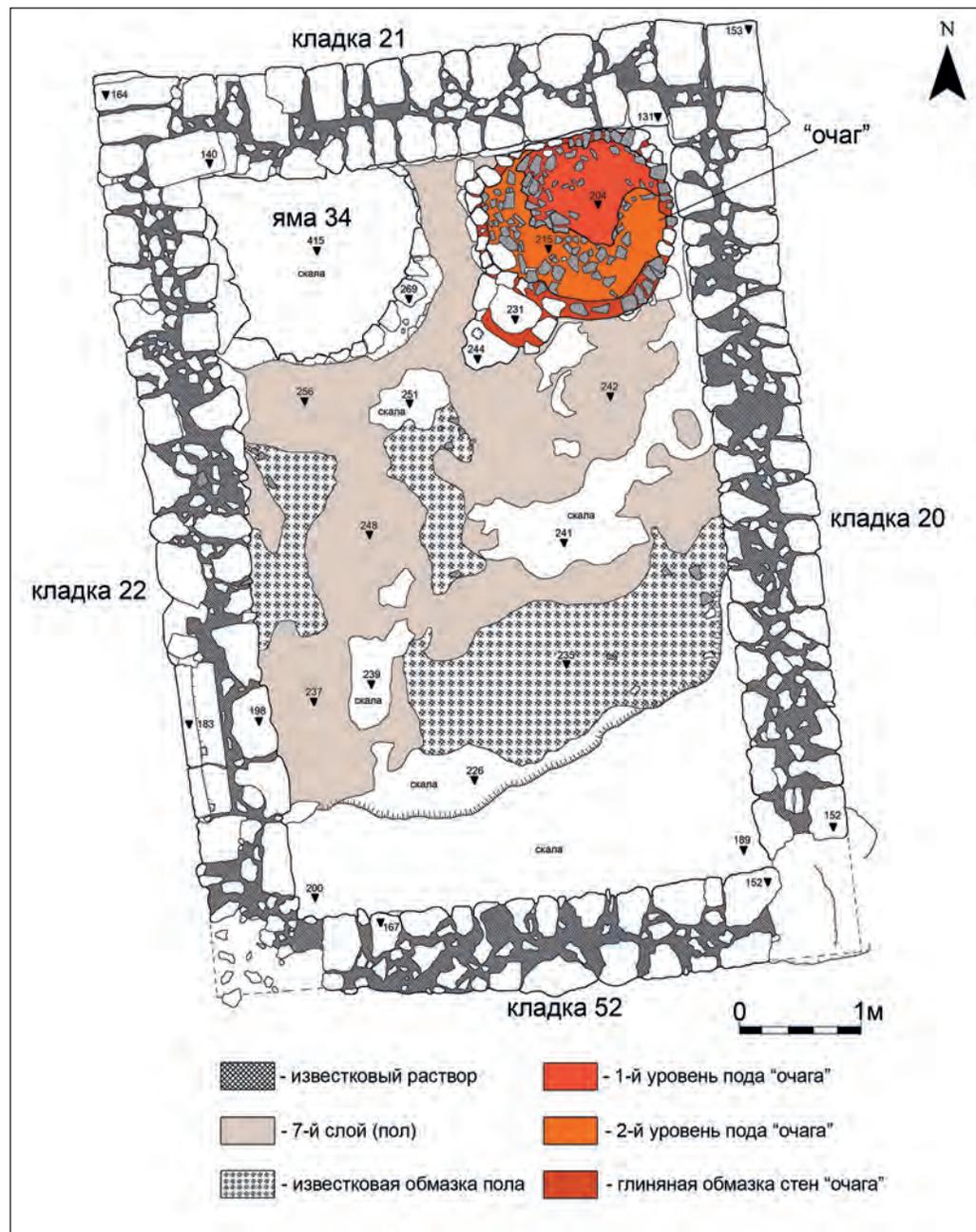

Рис. 8. Дворец. Помещение Н. Общий план здания по уровню «пола» (слоя № 7). Раскопки 2009 г.

Рис. 9. Дворец. Помещение Н. Общий план здания по завершении работ. Раскопки 2015 г.

рушения. Вход в здание, шириной 1,20 м, находился в южной части западной стены (кладки 22), на расстоянии 1,45 м от юго-западного угла постройки, и был оформлен в виде цельной известняковой плиты с квадратными пазами под деревянные конструкции и общими размерами 1,20x0,30x0,30 м. Первоначальным «полом» помещения являлась выровненная поверхность скалы. С юга она образует «ступень» шириной около 1,50 м и высотой до 0,40 м, которая, очевидно, принадлежит какой-то полностью разобранный более ранней по времени постройке. В процессе функционирования помещения Н на материковой поверхности отложился грунтовый «пол» мощностью до 0,15 м (слой № 7) (рис. 8-9).

Очаг в северо-восточном углу помещения Н, безусловно, связан с его функционированием (рис. 8-10; 14, б; 15; 16, а). В плане он представляет собой близкое к овалу сооружение диаметром 1,60-1,70 м, с подпрямоугольным выступом с юго-западной стороны (размеры выступа 0,80x0,40 м; «топочная камера?»), вплотную пристроенное к северо-восточному углу помещения. Основание для возведения очага послужила субструкция высотой до 0,30 м из плотно пригнанных между собой камней среднего размера, уложенных, в свою очередь, на поверхность «пола» постройки (слоя № 7) и промазанных сверху толстым слоем известкового раствора. В ходе раскопок зафиксированы два уровня «пода» сооружения. Каждый из них представляет собой выкладку толщиной 0,10-0,15 м из крупных фрагментов

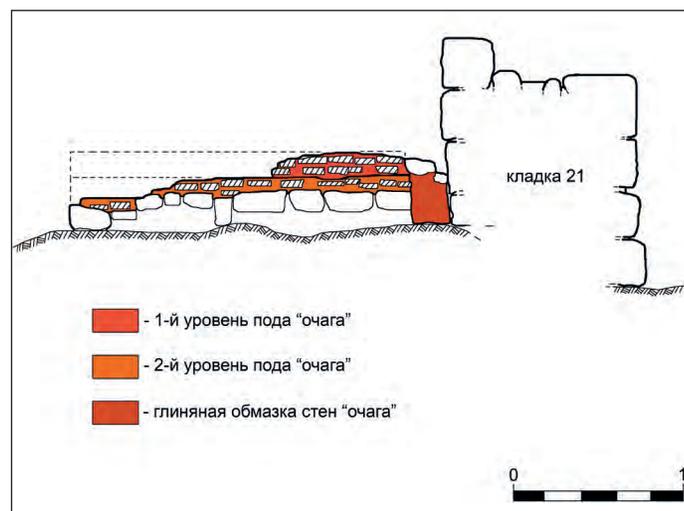

Рис. 10. Дворец. «Очаг» в северо-восточном углу помещения Н. Архитектурный разрез

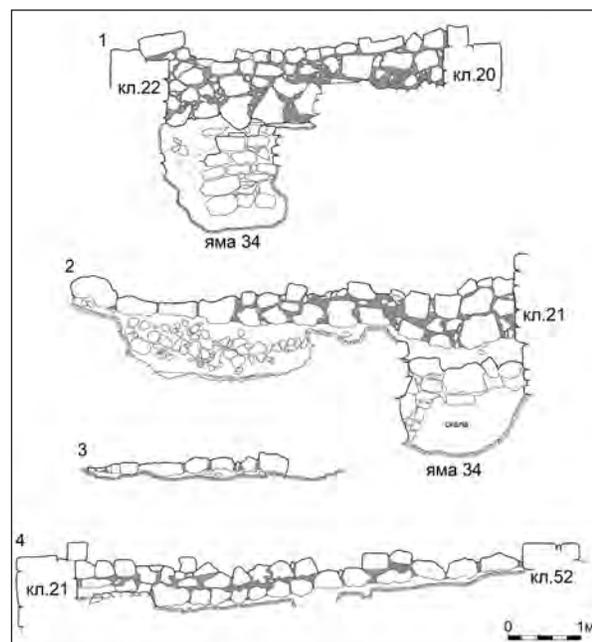

Рис. 11. Дворец. Помещение Н. 1 — внутренняя фасировка северной стены (кладки 21); 2 — внутренняя фасировка западной стены (кладки 22), со стратиграфическим разрезом ямы № 34 и скального сооружения; 3 — внутренняя фасировка южной стены (кладки 52); 4 — внутренняя фасировка восточной стены (кладки 20)

керамики и камней уплощенной формы на слое известкового раствора, повторяющую контур очага. При зачистке «верхнего пода» и «топочной камеры» (?) очага выявлены следы горения.

Яма № 34 (рис. 8-9; 11-12; 14; 16) открыта в северо-западном углу помещения Н. Окружная в плане, с цилиндрическим профилем и уплощенным скальным дном, диаметром в пределах 1,50-1,70 м и глубиной до 1,30 м. Ее контур образован кольцевой однорядной бутовой кладкой с использованием обработанных

камней на известковом связующем растворе. Обкладка ямы (от 2-х до 8-ми рядов сохранности) повторяет и сглаживает неровности обширного скального разлома, на месте которого она была сооружена, что типично для значительной части подобного рода хозяйственных комплексов на территории дворца. Планиграфически яма № 34, безусловно, предшествует возведению помещения Н, так как ее северо-западная часть частично перекрыта северной и западной стенами постройки (соответственно кладками 21 и 22), которые выступают на 0,10-0,20 м за линию обкладки ямы.

Скальное сооружение, частично перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22), представляет собой комплекс, скорее всего, жилого характера, ориентированный по оси запад-восток (рис. 9; 12, I; 17, б). Его дно вырублено в скале на глубину 0,35-0,60 м относительно окружающей дневной поверхности. По периметру сохранились «постели» под первоначальные каменные стены,

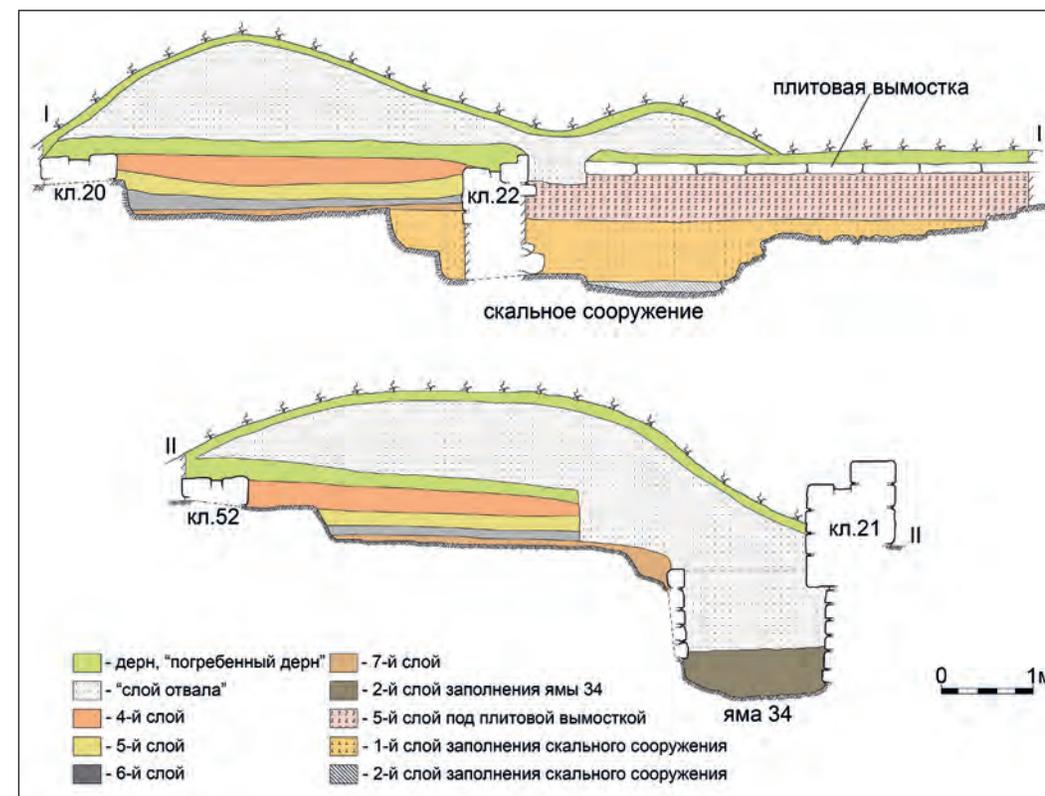

Рис. 12. Дворец. Помещение Н. I — поперечный стратиграфический разрез через здание и «дворцовую площадь» к югу от помещения J, перекрывающих скальное сооружение; II — продольный стратиграфический разрез через яму № 34

сложенные на известковом растворе, шириной 0,60-0,80 м, которые были полностью разобраны после прекращения функционирования постройки. В плане сооружение имеет прямоугольную форму общими размерами 7,00x3,00-3,50 м и состоит из двух помещений, разделенных невысокой (до 0,26 м) скальной ступенью. Восточное помещение (размеры 4,00x3,00 м), контур которого сохранился лучше, вырублено на глубину до 0,60 м, западное (размеры 3,00x3,50 м) — фактически срублено при последующей нивелировке скалы и его пределы с трудом прослеживаются на поверхности. Вход в постройку, вероятно, находился со стороны западной торцевой стены. По крайней мере, здесь сохранились остатки двух скальных ступеней высотой до 0,13 м. Стратиграфически скальное сооружение, несомненно, является наиболее ранним из сохранившихся на участке исследований строительных комплексов.

Стратиграфия и археологические комплексы находок. В ходе раскопок помещения Н выявлено семь основных культурных горизонтов и ряд локальных стратиграфических контекстов, отражающих процесс функционирования и разрушения очага, ямы № 34 и скального сооружения под кладкой 22. Перейдем к описанию их структуры и анализу полученных археологических комплексов находок (рис. 12).

Верхним слоем (**слой № 1**) на всей площади помещения Н является горизонт дерна — гумусированного рыхлого грунта, насыщенного размерным камнем и корнями растений, мощностью до 0,20 м. Он перекрывает «слой отвалов» из раскопок прежних лет (**слой № 2**), который концентрируется, в основном, в южной части постройки, на глубину до 1,10 м. Под ними фиксируется прослойка «погребенного дерна» (**слой № 3**) мощностью до 0,10 м.

Ввиду современного происхождения перечисленных культурных горизонтов, комплексы находок из них объединены в единый список. В нем преобладают фрагменты керамики (всего 1556), представленные обломками строительных (16,8% от общего количества керамических находок), тарных (25,5%), кухонных (28,5%) и столовых (29,2%) изделий. Несмотря на разновременность керамических материалов, что не удивительно с учетом происхождения культурных напластований и многослойного характера данного участка Мангупского городища, в слоях №№ 1-3 абсолютно преобладают находки дворцового времени (1296 из 1556 фрагментов, т. е. 83%). При этом важно отметить, что среди них присутствуют практически все известные, на сегодняшний день, хронологические индикаторы для периода XIV-XV вв.

В группе строительной керамики 78% черепицы (207 из 262 фрагментов) составляют обломки красноглиняных керамид и калиптеров, покрытых светлым ангобом и сформованных из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц. На Мангупском городище это доминирующий вид кровельной черепицы для периода XIV — третьей четверти XV вв. [7, с. 380; 11, с. 394; 14, с. 401]. Остальная строительная керамика (22%) представлена фрагментами красноглиняной черепицы с дуговидным профилем, украшенной поперечными желобками, получившей в литературе условное наименование «татарка». Для Мангупа, как, впрочем, и для других памятников Крыма, это обычный кровельный материал для периода XVI-XVIII вв. [7, с. 380].

Тарные изделия в комплексе находок из верхних слоев в помещении Н представлены несколькими хронологическими группами керамики, отражающими, как сейчас становится понятным, весь период использования данного участка Мангупского плато его населением. Ранневизантийский период характеризуют хорошо известные в литературе амфоры типа V по классификации амфор Херсонесского городища 1971 г. (далее — ХК-71), класса 1 по классификации амфор Херсонесского городища 1995 г. (далее — ХК-95), типа 95 по Зеест и LRA 2 [о них на Мангупе см.: 7, с. 411-415], фемный период — «причерноморские» амфоры класса 24 по ХК-95 и высокогорлые кувшины с плоскими ручками класса 41 по ХК-95 [об их хронологии в целом подробнее см.: 38, с. 39-43, 50-57]. Они составляют только 19% от общего числа тарных сосудов в комплексе (75 из 397 фрагментов).

К интересующему нас дворцовому времени относятся фрагменты красноглиняных плоскодонных ангобированных амфор класса 52 по ХК-95 и коричневоглиняных кувшинов, покрытых ангобом в тон черепку, с невысоким венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба (60% в комплексе, т. е. 237 из 397 фрагментов). В одной из своих предыдущих работ, посвященной публикации материалов феодоритского периода в истории Мангупа, мы уже отмечали большую вероятность производства обеих категорий тарных сосудов в одном из пока еще не локализованных центров Юго-Западного Крыма [11, с. 395]. Независимо от нас, к таким же выводам недавно пришла И. Б. Тесленко, предложившая назвать местную гончарную продукцию Таврики XIV-XV вв. группой «Юго-Западный Крым» (далее в тексте — группа

ЮЗК), с чем мы полностью согласны [45, с. 497-498, рис. 5-10]. Добавим, что характерной особенностью этой керамики, происходящей из культурного слоя Мангупского городища, является глиняная формовочная масса изделий — красная (различных оттенков) после обжига, плотная, с примесью известняка, песка и толченой гальки.

Из невыразительных фрагментов гладкостенных пифосов в слое (64 фрагмента, т. е. 16% от общего количества тарных сосудов) отметим лишь крупный обломок подтреугольного в сечении венчика от пифоса, тулово которого украшено налепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него (так называемого «медальонного» типа) (рис. 18,1). Подобный вид орнамента был распространен на крупногабаритных тарных сосудах в Крыму и Причерноморье на протяжении XIII-XV вв. [подробнее см.: 47, с. 135-148 (группы II и III)].

Среди кухонной керамики абсолютно доминируют изделия времени функционирования дворца (428 из 443 фрагментов, т. е. 96%). Все они входят в группу ЮЗК, преобладают уже известные в литературе формы сосудов — шаровидные горшки с отогнутым округлым венчиком, украшенные врезными концентрическими линиями по горлу, реже — зональным гребенчатым линейно-волнистым орнаментом и росписью линиями светлого ангоба в верхней части корпуса [14, с. 402, особенно рис. 6; 45, с. 498, рис. 12-13; 14, 1-13 (тип 1.1А)], и кувшины с шаровидным туловом, узким рифленным горлом, двустольчатой округлой в сечении ручкой (рис. 18,3) [45, с. 499, рис. 19; 20, 1-3 (тип 2.1А)]. Отметим полный профиль тувака с широким горизонтально отогнутым краем группы ЮЗК, украшенным снаружи врезной волнистой линией (рис. 18,2).

Комплекс столовых сосудов из верхнего культурного слоя в помещении Н состоит из неглазурованной керамики и различных видов местных (группа ЮЗК) и импортных поливных изделий феодоритского и османского периодов в истории Мангупа, процентное соотношение которых представлено в таблице 3.

Из таблицы видно, что в комплексе преобладают (около 80%) поливные изделия местного производства (группа ЮЗК), которые изготавливались на протяжении 60-х гг. XIV в. — 1475 г. в многочисленных гончарных центрах Южнобережного и Горного Крыма, в том числе, очевидно, и на Мангупском городище [подробнее см.: 11, с. 396-397; 14, с. 405]. Из находок этой группы особо отметим фрагмент

Рис. 13. Дворец. Помещение Н, северная часть: а — общий вид с запада, по уровню 4-го слоя («каменного раската в дерне»); б — общий вид с северо-запада, по уровню 5-го слоя («слоя разрушения» здания). Раскопки 2009 г.

Рис. 14. Дворец. Помещение Н, северная часть: а — общий вид с юго-запада, сверху по уровню 6-го слоя («слоя известковой штукатурки» стен здания); б — «очаг» в северо-восточном углу здания после зачистки его «слоя разрушения», вид с юго-запада. Раскопки 2009 г.

Рис. 15. Дворец. Помещение Н: а — общий вид с юго-запада, сверху по уровню 7-го слоя («пола» здания); б — «очаг» в северо-восточном углу после выборки «слоя разрушения», вид с юга. Раскопки 2009 г.

Рис. 16. Дворец. Помещение Н: а — общий вид с юга по завершении работ; б — яма №34 после выборки заполнения, вид с северо-запада, сверху. Раскопки 2009 г.

Рис. 17. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22): а — керамический завал по уровню 2-го слоя заполнения, вид с запада, сверху; б — общий вид с юго-запада по завершению работ. Раскопки 2015 г.

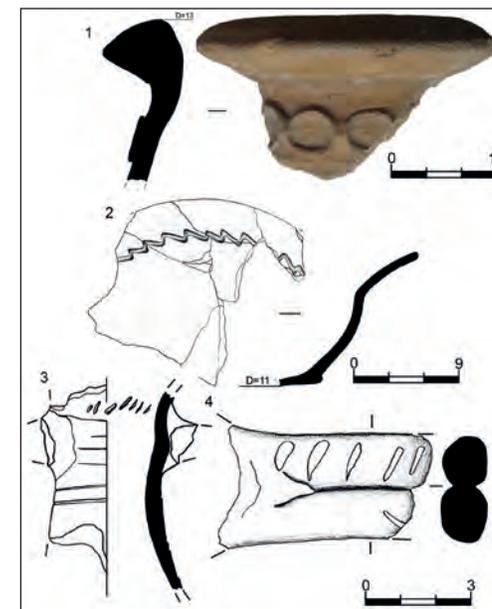

Рис. 18. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

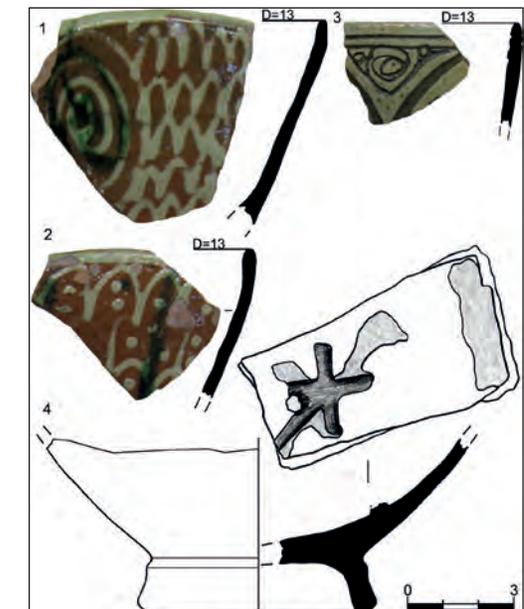

Рис. 19. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

Таблица 3.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2008-2009 г.
Структура комплекса столовой керамики из слоев №№ 1-3**

№ п/п	Наименование категории находок	Датировка	Кол-во фр-тов	%
1	Неглазурованные красноглиняные кувшины	XIV-XV вв.	34	7,5
2	Кувшины «Monochrome (Green) Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	74	16,1
3	«Monochrome (Yellow or Green) Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	213	46,9
4	«Monochrome (Yellow and Brown) Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	25	5,5
5	«Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» с монограммой TX, группа ЮЗК	Около 1450-1475 гг.	4	1
6	«Polychrome Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	39	8,6
7	«Elaborate Incised Ware», Византия	Середина XIII — XIV вв.	9	2
8	«Slip-Painted Ware», Византия	Около 1450-1475 гг.	6	1,3
9	«Miletus Ware», Османская империя	Около 1450-1475 гг.	12	2,6
10	Группа «селадон», Китай	XIV-XV вв.	8	1,8
11	Фаянс групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware», Османская империя	XVI-XVIII вв.	6	1,3
12	«Monochrome (Green) Ware», Османская империя	XVI-XVIII вв.	4	1
13	Без атрибуции		20	4,4
	Итого:		454	100

сосуда с монограммой «TX» с узкой датой использования — в пределах 1450-1475 гг. (рис. 19,4). Также большой интерес представляют фрагменты отдельных видов поздневизантийской красноглиняной поливной посуды, редко встречающейся на Мангупе — группы «Elaborate Incised Ware» под монохромной желтой глазурью изнутри и зеленой снаружи, с орнаментом в технике «сграффито», выполненным тонким и широким резцом (рис. 19,3) [54, р. 122-123], и с подглазурной росписью ангобом (группа «Slip-Painted Ware»), которая на городище известна пока только по раскопкам дворца, в закрытом археологическом комплексе 1458/1459 — 1475 гг. (рис. 19,1-2) [14, с. 408, рис. 8,3,5; 11,4-5]. Традиционной для этого периода в истории городища является и поливная раннеосманская керамика группы «Miletus Ware», о чем уже неоднократно говорилось (рис. 20,1).

Значительным разнообразием отличается коллекция индивидуальных находок из слоя. Преобладают, как обычно, изделия дворцового времени, среди которых отметим игральные шарики из мраморовидного известняка (рис. 20,4-5), кувшины из прозрачного бесцветного стекла с рифленным узким горлом (рис. 20,2) и зеленатоватого стекла с вогнутым дном (рис. 20,3), костяные пуговицу с циркульным орнаментом (рис. 21,1) и фрагмент кольца для защиты пальцев руки от тетивы

при стрельбе из лука (рис. 21,2), плоские округлые свинцовые грузики с отверстием (рис. 21,9-10), серебряные перстень с прямоугольным щитком, украшенным гравированным растительным орнаментом (рис. 21,3), овалоидную подвеску с петлей и тисненым орнаментом (сплющена от удара) (рис. 21,4) и фрагмент ложки с витой рукоятью (рис. 21,6), бронзовую печать (?) пирамидальной формы с гравированным изображением птицы на лицевой стороне (рис. 21,5), железные арбалетный болт (рис. 21,8), черешковый наконечник стрелы с листовидным острием (рис. 21,12) и фрагмент кольчуги (рис. 21,11). Сильно фрагментированные архитектурные детали представлены обломками известняковых карнизов, капителей с рельефной резьбой и блоком с прочерченным изображением креста с расходящимися краями (рис. 22). Пожалуй, только две находки из слоя не связаны хронологически с периодом функционирования княжеского дворца на Мангупе: бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы скифо-сарматского времени (рис. 21,7) и фрагмент белоглиняной курительной трубки конца XVII — XVIII вв. (рис. 20,6) [о датировке таких трубок на городище подробнее см.: 8, с. 249-250].

В ходе раскопок из верхнего слоя в помещении Н извлечены 12 монет. Атрибуции поддаются пентануммии византийских императоров Анастасия I (491-518) и Юстина I (518-527), серебряная генуэзско-татарская монета 1420-1466 гг. выпуска (2 экземпляра), медная монета времени османского султана Мехмеда II Фатиха (1444-1481), акче правителей Крымского ханства Менгли Гирея I (1467-1515) (2 экземпляра) и Сахиб Гирея I (1532-1550). К уникальным находкам на Мангупе относится медная китайская монета, выпущенная, предположительно, в XVI-XVII вв.⁹

Слоем № 4 практически на всей площади помещения Н, за исключением его северной части, где горизонт был выбран, очевидно, еще в 1912 г., являлся задернованный раскат мелкого и среднего бутового камня мощностью до 0,30 м (рис. 12; 13,а). Происхождение подобных по структуре культурных горизонтов на разных участках исследования Мангупского дворца связано с разбором на строительный камень уже заброшенных сооружений комплекса на последнем этапе истории городища в XVI-XVIII вв. или даже позднее. Оставшиеся после выборки крупных блоков из стен мелкие камни из их забутовки постепенно затягивались дерном, образуя сплошную поверхность. Нужно заметить, что именно на этом горизонте «камен-

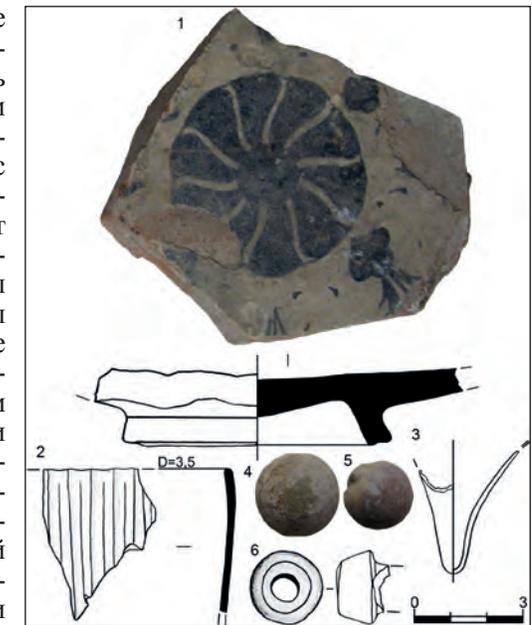

Рис. 20. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

⁹ Атрибуция монет из раскопок помещения Н в 2008-2009 гг. выполнена Н. А. Алексеенко, в 2015 г. — А. В. Якушечкиным.

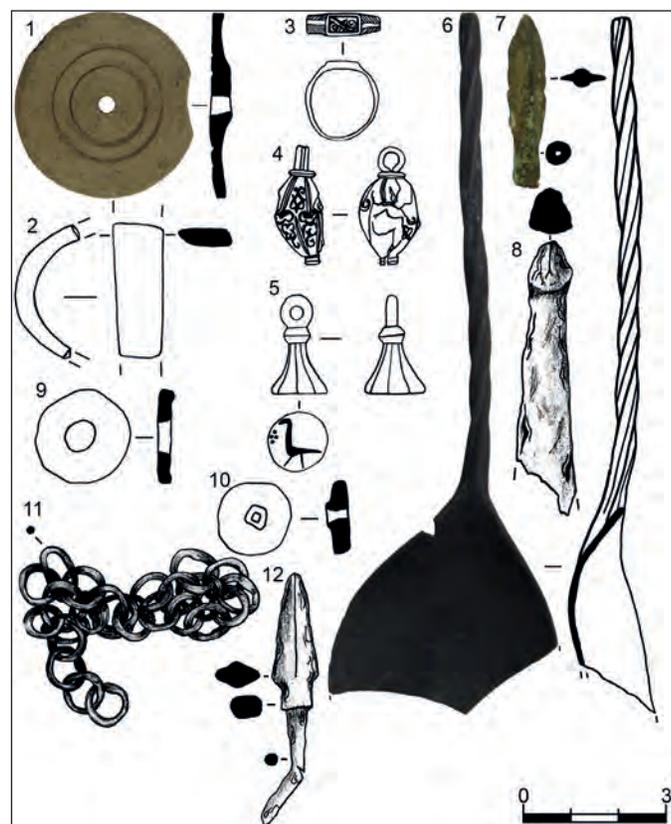

Рис. 21. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

времени разрушения жилой застройки в результате военных или природных катаклизмов, в которых обычно доминируют строительная и тарная керамика. Это наблюдение также, пусть и косвенно, подтверждает нашу гипотезу о причинах формирования данного слоя на месте уже не функционирующего дворца.

Среди строительной керамики большую часть комплекса (85%) составляет уже описанная в слоях №№ 1-3 красноглиняная ангобированная черепица из плотного теста XIV — третьей четверти XV вв. Остальные фрагменты принадлежат черепице типа «татарка», характерной для османского периода в истории Мангупского городища. Нужно сказать, что это единственная категория археологических находок XVI-XVIII вв. в слое № 4.

Примерно треть тарной керамики из слоя не имеет точной атрибуции. Среди остальных сосудов преобладают изделия дворцового времени — желобчатые грушевидные амфоры типа Гюнзенин IV или класса 45 по ХК-95 [о них на Мангупе см.: 11, с. 394] и уже описанные амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба группы ЮЗК (рис. 24, 1).

ного раската» из мелкого бутового камня был вынужден в свое время остановиться Е. В. Веймарн, приняв его за уровень дорожного полотна к югу от дворца [5, с. 263-264]. Таким образом, слой № 4 внутри помещения Н, как и выше лежащие слои №№ 1-3, стратиграфически не имеют прямого отношения к истории памятника. Их формирование связано с разрушением дворца в османское и Новое время.

Тем не менее, анализируя комплекс археологических находок из слоя № 4, состоящий в основном из фрагментов керамики, обращаем внимание на абсолютное доминирование в нем (352 из 409 керамических находок, т. е. 86%) изделий дворцового времени. Еще одна важная деталь для общей характеристики керамического комплекса слоя № 4 — преобладание в нем (67%) бытовой (кухонной и столовой) посуды, что не типично для культурных горизонтов

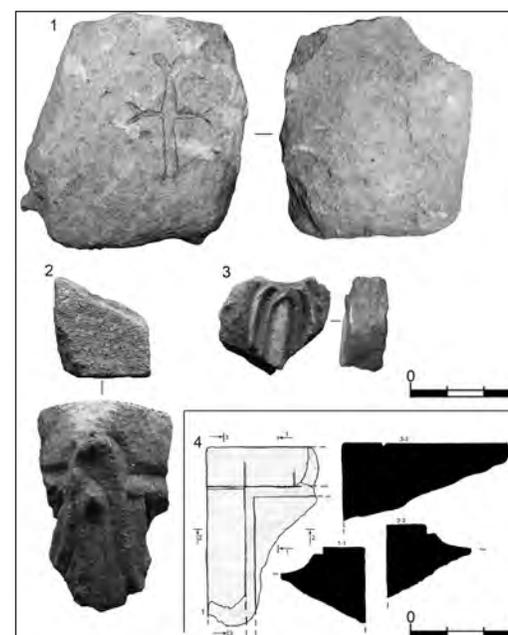

Рис. 22. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

В группе кухонной керамики почти все атрибутированные находки (171 из 178 фрагментов, т. е. 96%) являются изделиями различных видов керамики XIV-XV вв. Кроме традиционных горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 23, 1-3, 5), кувшинов с двустольчатой ручкой (рис. 23, 4), туваков с широким горизонтально отогнутым краем (рис. 23, 8) группы ЮЗК особо отметим большое количество в слое (144 из 178 фрагментов кухонной посуды, т. е. около 80%) обломков от горшков с рельефовидным венчиком, сформованных из рыхлого красно-коричневого теста с обильной примесью пироксена (рис. 24, 2; 25, 1). Относительно недавно И. Б. Тесленко предложила выделить бытовую посуду (горшки и кувшины) с рельефовидным профилем и подобной формовочной глиняной массой в отдельную группу изделий с условным названием «группа

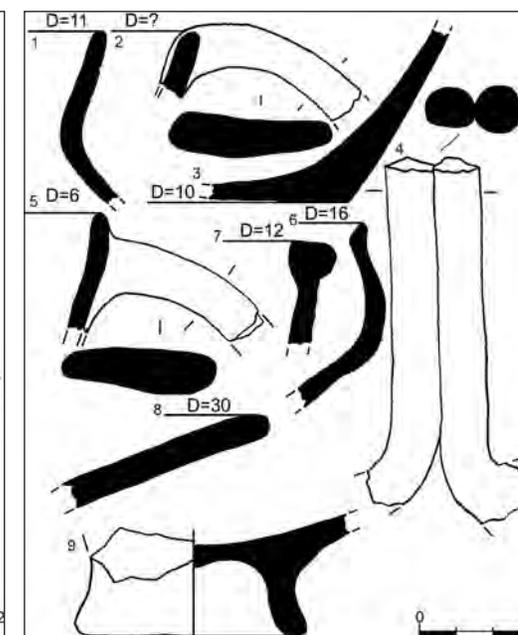

Рис. 23. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

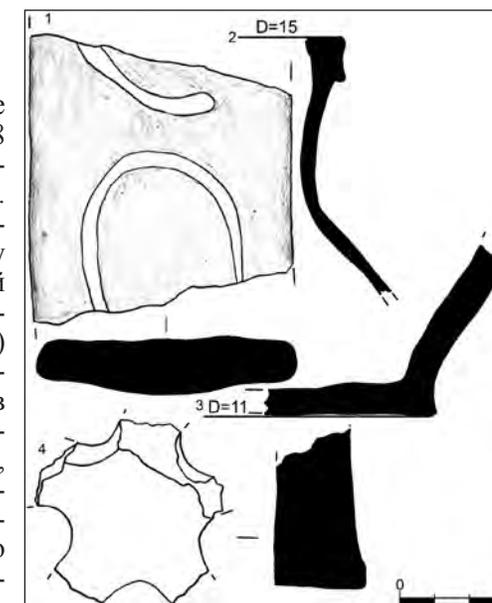

Рис. 24. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

горшков с рельефовидным венчиком» (далее — группа ГРВ). По ее мнению, эти сосуды могут рассматриваться как важный хронологический индикатор для всего османского периода в истории Крыма. Местом производства такой посуды является Малая Азия, возможно, округа Изника. Со своей стороны заметим, что найденные в слое № 4 сосуды группы ГРВ соответствуют раннему типу таких горшков (тип 1.1 по И. Б. Тесленко), которые датируются начальным периодом поступления керамики группы ГРВ на полуостров, то есть серединой — концом XV в. [48, с. 428-436, рис. 1-2].

Структура в целом невыразительного комплекса столовой керамики из слоя № 4 представлена в таблице 4.

Таблица 4.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Структура комплекса столовой керамики из слоя № 4**

№ п/п	Наименование категории находок	Датировка	Кол-во фр-тов	%
1	Неглазурованная гончарная керамика	XIV-XV вв.	74	77
2	Кувшины «Monochrome (Green) Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	7	7,3
3	«Monochrome (Yellow) Ware», группа ЮЗК	XIV в.	2	2,1
4	«Monochrome (Green) Ware», Золотая Орда	XIV-XV вв.	2	2,1
5	«Miletus Ware», Османская империя	Около 1450-1475 гг.	3	3,2
6	Группа «селадон», Китай	XIV-XV вв.	1	1
7	Без атрибуции		7	7,3
Итого:			96	100

Среди этих находок отметим фрагменты белоглиняного широкогорлого сосуда с ойнохоевидным венчиком (рис. 25,2), красноглиняных мисок под монохромной желтой кроющей глазурью группы ЮЗК (рис. 23,6,9) и раннеосманских поливных сосудов группы «Miletus Ware» (рис. 26,1-2).

Невыразительны и имеют плохую сохранность индивидуальные находки из слоя № 4. Среди них можно выделить лишь обломки стеклянных изделий с рифленой поверхностью (рис. 26,4), либо украшенные шлифованным («сотовым») орнаментом (рис. 26,3,5), а также две монеты — золотоордынский анонимный пул XIV в. и генуэзско-татарский аспр, выпущенный в Кафе в 1448-1449 гг.

Слоем № 5 в помещении Н является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем, пятнами деструктированного известкового раствора и фрагментами строительной керамики (около 40% от общего числа керамических находок; 97 из 253 фрагментов), мощностью до 0,50 м (рис. 12; 13,б). По структуре он, безусловно, может быть интерпретирован как «слой разрушения» постройки, а найденные вещественные находки рассматриваются нами как закрытый археологический комплекс, сформировавшийся в относительно узкий промежуток времени. Его основу, как обычно, составляют фрагменты керамики (см. таблицу 5).

Комментируя содержание таблицы, следует сказать, что хронологию археологического комплекса находок из слоя № 5 определяют различные виды керамики группы ЮЗК — амфоры класса 52 по ХК-95 (рис. 27,2-3), тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба (рис. 27,8), кухонные горшки с врезными concentрическими

Таблица 5.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 5**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	97	38,3
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	1	Менее 1
3	Пифосы XIII-XV вв. с налепным валиком, украшенным пальцевыми вдавлениями («медальонного» типа)	1	Менее 1
4	Раннесредневековые амфоры V-X вв.: типа V по ХК-71, классов 1, 2, 24 по ХК-95, типа 95 по Зеест и LRA 2	14	5,5
5	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	31	12,2
6	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	44	17,4
7	«Monochrome (Green) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	Менее 1
8	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	Менее 1
9	«Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	6	2,4
10	Группа «псевдоселадон»	33	13
11	Без атрибуции	16	6,3
Итого:		253	100

линиями по горлу (рис. 27,6-7) и кувшины с двустольчатой ручкой (рис. 27,4), монохромная и полихромная поливная посуда с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 27,5,16; 28,1), а также импортные глазурованные сосуды — раннеосманская группы «Miletus Ware» (рис. 29,1-5) и золотоордынская кашинная под монохромной зеленой кроющей глазурью группы «псевдоселадон» (рис. 27,9-15; 28,2-8). Такой набор керамики характерен на Мангупе для комплексов третьей четверти XV в. (около 1450-1475 гг.) или горизонтов, образование которых связано на городище с событиями 1475 г.

Из индивидуальных находок в слое № 5 отметим разнообразную коллекцию сосудов из прозрачного бесцветного стекла (рис. 29,6-9), железный черешковый наконечник стрелы с листовидным пером (рис. 29,10), обилие костей животных и раковин моллюсков, а также генуэзско-татарский аспр 1433 г. выпуска и особенно акче хана Хаджи Гирея (1441-1466) 1462 г. выпуска. Присутствие последней монеты в комплексе находок позволяет еще более сузить его

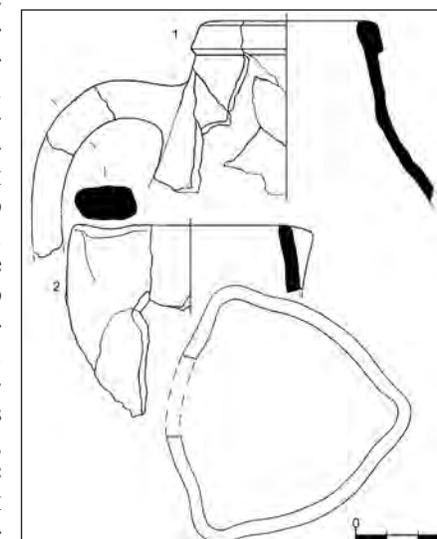

Рис. 25. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

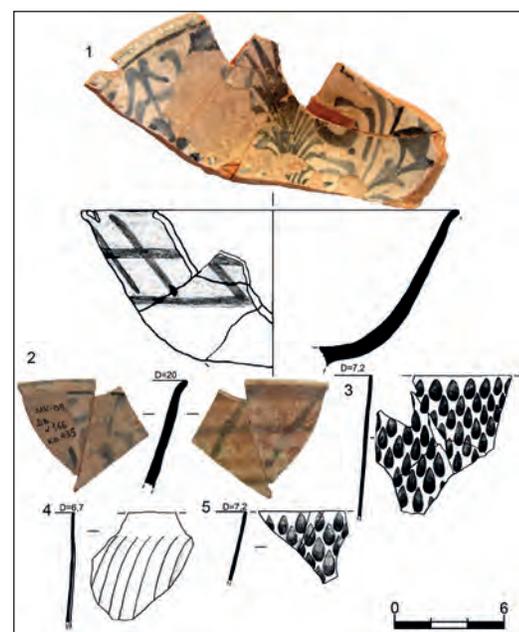

Рис. 26. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «каменного раската
в дерне» (слоя № 4)

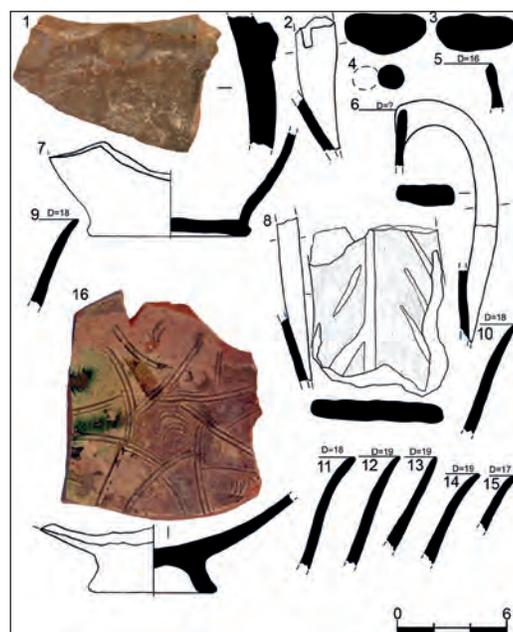

Рис. 27. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «слоя разрушения»
здания (слоя № 5)

датировку — до периода 1462-1475 гг. Таким образом, гибель помещения Н связана, скорее всего, с событиями турецкого штурма 1475 г. на Мангупе, а представленный керамический комплекс является одним из наиболее показательных, на сегодняшний день, при характеристике материальной культуры городища в период, непосредственно предшествующий ему, то есть в 1462-1475 гг.

Слоем № 6 практически на всей площади помещения Н, за исключением ямы № 34, является прослойка известковой штукатурки мощностью 0,10-0,20 м, упавшей со стен в процессе разрушения здания (рис. 12; 14,а). Таким образом, стратиграфически этот культурный горизонт имеет такие же условия формирования, как и слой № 5, и является «слоем разрушения» здания в результате событий 1475 г. на Мангупе, приведшим к гибели дворца.

Эти стратиграфические наблюдения являются очень важными для атрибуции и установления хронологии горизонта в пределах 1462-1475 гг., так как происходящие из него находки крайне не выразительны (см. таблицу 6).

Из нее видно, что большую часть материалов составляют обломки черепицы. Из остальной керамики отметим лишь те группы изделий, которые представлены профильными частями — тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба (рис. 30,3), миски с вертикальным округлым краем под монохромной зеленой глазурью группы ЮЗК (рис. 30,1) и полихромные глазурованные блюда с широким горизонтально отогнутым краем и орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 30,2).

Слоем № 7 в помещении Н является серый плотный грунт с угольками, отложившийся в процессе функционирования здания на скальном материке мощ-

Рис. 28. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «слоя разрушения» здания (слоя № 5)

Таблица 6.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 6**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	81	66,9
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	6	5
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71	1	Менее 1
4	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	13	10,7
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	14	11,6
6	«Monochrome (Green) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	3	2,5
7	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	Менее 1
8	Без атрибуции	2	1,7
	Итого:	121	100

ностью до 0,15 м (рис. 12; 15,а). Как уже говорилось, он интерпретируется как грунтовой «пол» постройки, на что указывают сохранившиеся *in situ* пятна известковой обмазки на его поверхности.

Из слоя происходит небольшой (всего 36 фрагментов), но достаточно показательный комплекс керамики, структура которого приведена в таблице 7.

Около половины находок в комплексе принадлежат обломкам красноглиняной ангобированной черепицы из плотного теста, в том числе с рельефной меткой в виде греческой буквы «фита» (рис. 30,4-5). К датирующим находкам среди бытовой кера-

Таблица 7.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 7**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	18	50
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	2	5,6
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типа 95 по Зеест	6	16,6
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95	2	5,6
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	3	8,2
6	«Monochrome (Yellow) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	5,6
7	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	2,8
8	«Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	2	5,6
9	Без атрибуции	2	1,7
	Итого:	36	100

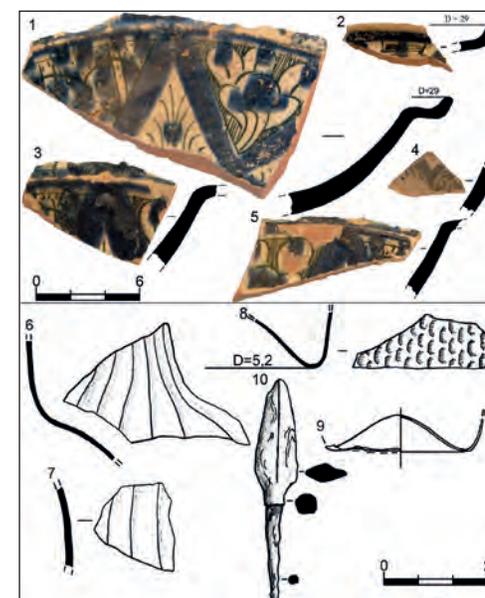

Рис. 29. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоя разрушения» здания (слоя № 5)

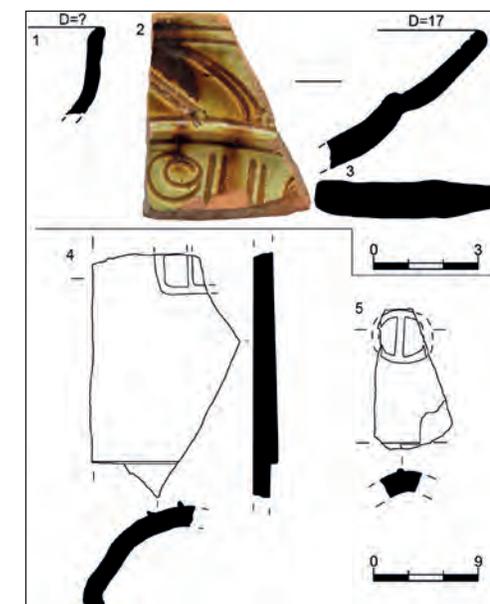

Рис. 30. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоя известковой штукатурки» (слоя № 6) (1-3) и «пола» (слоя № 7) (4-5) здания

мики относятся глазурированные изделия — монохромные и полихромные сосуды под желтой кроющей глазурью с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 31,1-2) и раннеосманская с подглазурной росписью кобальтом группы «Miletus Ware» (рис. 31,3-4). Это позволяет уверенно датировать комплекс в пределах третьей четверти XV в. или, если ориентироваться на материалы из «слоя разрушения» постройки (слои №№ 5 и 6), периодом 1462-1475 гг. Из индивидуальных находок в слое № 7 выделим красноглиняную катушку, украшенную врезными концентрическими линиями и насечками («соляной» орнамент) (рис. 31,5), костяную колоколовидную шашку с полированной поверхностью (рис. 31,6), медный наперсток с закрытым верхом и точечным орнаментом корпуса (рис. 31,7), а также два стертых византийских пентануммия VI в., которые, безусловно, рассматриваются в комплексе как «примесь снизу».

Таким образом, анализ археологических комплексов находок из раскопок помещения Н, особенно из слоев №№ 5-7 внутри постройки, имеющих отношение к его функционированию и разрушению, дает узкую хронологию здания — в пределах 1462-1475 гг. Этим же временем датируются, очевидно, и все локальные археологические контексты, связанные с функционированием и разрушением **очага в северо-восточном углу помещения Н** (рис. 9-10; 14-15; 16,а). На это, прежде всего, указывают стратиграфические наблюдения — очаг сооружен на поверхности «пола» (слоя № 7) помещения Н, то есть в период его существования, и поэтому не может быть датирован ранее 1462 г. Не противоречит такому заключению и анализ отдельных комплексов археологических находок, полученных в ходе раскопок очага, среди которых совершенно отсутствуют материалы османского периода в истории Мангупа.

«Слой разрушения» **очага**, как отдельный археологический контекст, был выделен в процессе снятия слоя № 6 заполнения помещения Н (рис. 14). По структу-

Рис. 31. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «пола» здания (слоя № 7)

ре он представляет собой плотный (прокаленный?) грунт рыжего цвета с углями и пятнами золы на поверхности мощностью до 0,20 м.

Практически весь археологический комплекс находок из «слоя разрушения» очага состоит из фрагментов керамики (см. таблицу 8). Доминирует (58%) строительная керамика, представленная в слое обломками красноглиняных керамид и калиптеров из плотного теста 60-х гг. XIV — 1475 г., в том числе с рельефными метками (рис. 32,1-2). В группе тарных сосудов отметим кувшины группы ЮЗК с широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба, с венчиком-воротничком либо с ойнохоевидным венчиком (рис. 32,5-6; 33,1), среди кухонной посуды — фрагменты венчиков от горшков с врезной удвоенной волнистой линией по горлу группы ЮЗК (рис. 32,4) и с рельсовидным профилем группы ГРВ (рис. 32,3). Для датировки комплекса

дворцовым периодом наиболее важным является присутствие в нем фрагментов поливной керамики с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 32,7; 33,2,5-7). Отметим также две стенки от византийских глазурованных сосудов группы «Elaborate Incised Ware» (рис. 33,3-4), которые в «слое разрушения» очага следует рассматривать как «примесь снизу».

Таблица 8.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из «слоя разрушения» очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	325	58
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	15	3
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, класса 1, 2, 24, 32, 36 по ХК-95, типа 95 по Зеест, LRA 1 и 2	76	13
4	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	46	8
5	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге IX-XI вв.	13	2
6	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	26	4
7	Кухонная керамика XV в. группы ГРВ	1	Менее 1
8	Глазурованные сосуды «Monochrome Sgraffito Ware» и «Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	15	2
9	Поливные сосуды группы «Elaborate Incised Ware», Византия, середина XIII-XIV вв.	2	Менее 1
10	Без атрибуции	56	10
	Итого:	558	100

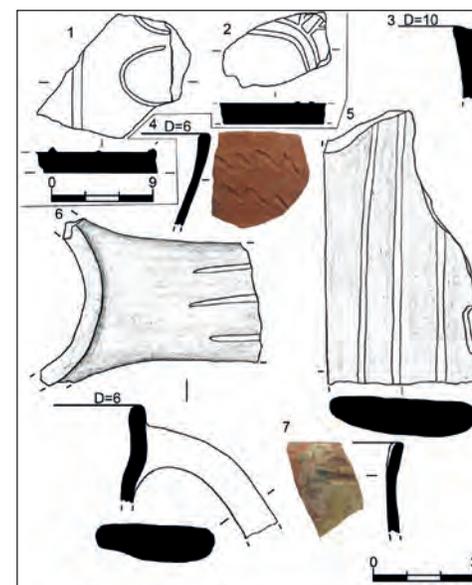

Рис. 32. Дворец. Помещение Н. «Очаг» в северо-восточном углу. Таблица находок из «слоя разрушения»

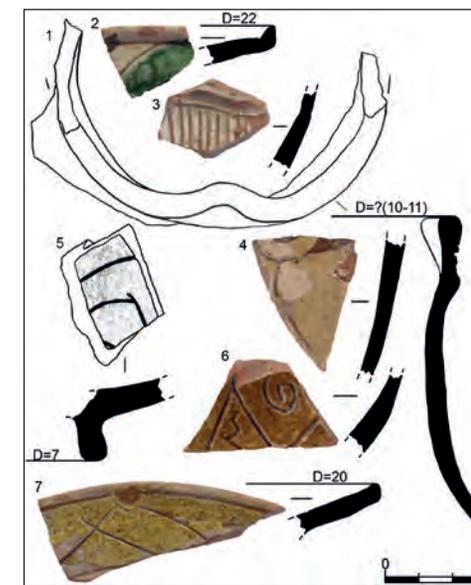

Рис. 33. Дворец. Помещение Н. «Очаг» в северо-восточном углу. Таблица находок из «слоя разрушения»

Еще меньшим разнообразием отличаются археологические комплексы находок из 1-го и 2-го уровней «пода» очага, а также из его каменной субструкции (см. таблицы 9-11).

Таблица 9.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из 1-го уровня пода очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	194	96,5
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	6	3
3	Амфоры класса 52 по ХК-95	1	Менее 1
	Итого:	201	100

Таблица 10.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из 2-го уровня пода очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	347	97,5
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	7	2
3	Глазурованная миска «Monochrome (Green and Yellow) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	Менее 1
	Итого:	355	100

Таблица 11.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из каменной субструкции очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	19	86,5
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	2	9
3	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95	1	4,5
	Итого:	22	100

Из таблиц 11-13 хорошо видно, что во всех комплексах находок доминируют фрагменты красноглиняной черепицы XIV — 1475 г. Некоторые керамики имеют на поверхности рельефные метки (рис. 34,1-2). Датирующий характер имеют обломки красноглиняной плоскодонной амфоры класса 52 по ХК-95 (рис. 34,3) и поливной миски группы ЮЗК, покрытой монохромной зеленой глазурью снаружи и желтой изнутри (рис. 34,4). В целом, с учетом общей невыразительности археологических находок из комплексов, связанных с сооружением, функционированием и разрушением очага в северо-восточном углу помещения Н, отсутствия в них артефактов с узкой хронологией, датировка очага в пределах 1462-1475 гг. обосновывается стратиграфическими наблюдениями, о которых мы уже говорили.

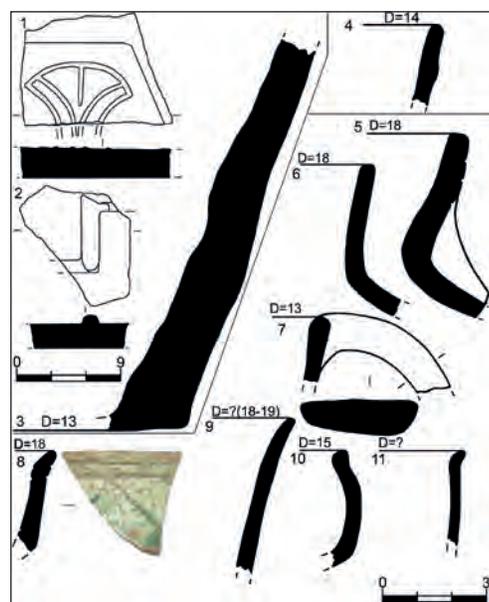

Рис. 34. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из 1-го (1-3) и 2-го (4) уровней «пода» «очага» в северо-восточном углу и «слоев отвалов» (5-11) в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

Стратиграфия заполнения ямы № 34 в северо-западном углу помещения Н зафиксирована в ходе раскопок 2008 г. (рис. 9; 12; 14; 16). В процессе исследований выявлены два слоя его заполнения. **1-м (верхним) слоем** мощностью до 0,80 м является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем и деструктурированным известковым строительным раствором. Нижним культурным горизонтом в яме (**слоем 2**) мощностью до 0,50 м выступает серый плотный грунт с щебнем и угольками. Перед тем, как перейти к характеристике археологических материалов из них, еще раз напомним ряд важных стратиграфических наблюдений, во многом определяющих условия образования, структуру и хронологию этих комплексов находок.

Прежде всего, стратиграфически яма № 34, несомненно, предшествует строительству помещения Н. Ее обкладка стала основанием для возведения западной и северной стен здания, трасса которых частично перекрыла внутреннее пространство ямы (рис. 11,1-2; 12,II). Это исключает возможность продолжения использования

хозяйственного сооружения в процессе функционирования постройки и позволяет датировать его засыпь временем не позднее 1462 г. Другое наблюдение касается результатов раскопок ямы № 34 в 1912 г. Как сейчас становится понятным, она была лишь частично исследована Р. Х. Лепером на глубину 1-го зафиксированного нами слоя заполнения, после чего яма была, вероятно, засыпана тем же выбранным грунтом. По структуре 1-й слой заполнения ямы 2008 г. полностью соответствует такой интерпретации: он является «слоем отвалов» из раскопок 1912 г. Следовательно, хранящиеся в Государственном Эрмитаже глазурованные сосуды из ямы в помещении Н должны быть включены в археологический комплекс находок из 1-го слоя ее заполнения 2008 г. Таким образом, эта выразительная группа поливных изделий вместе с материалами наших раскопок определяет датировку засыпи ямы № 34 и строительства поверх нее помещения Н. Наконец, третье замечание имеет отношение ко времени использования хозяйственного комплекса, которое определяется хронологией находок из 2-го слоя заполнения ямы. В этой связи сразу обращает внимание совершенно иная структура данного культурного слоя — его плотность и насыщенность угольками, что, как правило, указывает на достаточно длительный характер формирования горизонта. В то же время, мы не можем исключать, что 2-й слой был также частично выбран в 1912 г. и отдельные находки из него могли оказаться среди материалов из верхнего горизонта заполнения ямы.

Археологический комплекс находок из 1-го слоя заполнения ямы № 34 состоит в основном из фрагментов керамики (см. таблицу 12).

Таблица 12.

Дворец. Раскопки 2008 г. Помещение Н. Яма № 34. Атрибутированные группы керамики из 1-го слоя заполнения («слоя отвалов» 1912 г.)

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	2	3	4
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	93	34
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	3	1
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, классов 1, 2, 24 по ХК-95, типа F по Шелову, LRA 1 и 2	24	9
4	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	21	7,5
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	69	25
6	Кухонная керамика XV в. группы ГРВ	8	3
7	Неглазурованная столовая керамика XIV-XV вв.	7	2,5
8	Глазурованная керамика «Monochrome (Green, Yellow, Brown) Ware», «Monochrome Sgraffito Ware», «Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	33	12
9	Глазурованная керамика «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой ТХ группы ЮЗК, 1450-1475 гг.	7	2,5
10	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Blue) Ware», Византия, XV в.	1	Менее 1

Окончание таблицы 12.

1	2	3	4
11	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий»), Византия, 1261-1453 гг.	1	Менее 1
12	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware», Византия, середина XIII-XIV вв.	2	Менее 1
13	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	1	Менее 1
14	Глазурованная керамика группы «псевдоселадон»	3	1
15	Без атрибуции	2	Менее 1
	Итого:	275	100

Хронология комплекса устанавливается благодаря наличию в нем археологических целых глазурованных сосудов группы ЮЗК с монограммой «ТХ» (7 экз.) (рис. 4-5; 6, 1) и раннеосманского поливного блюда группы «Miletus Ware» (рис. 7, 3), а также монеты первого правителя Крымского ханства Хаджи Гирея (1441-1466) 1453 г. выпуска. Указанная керамика является характерным индикатором для выделения на Мангупском городище комплексов периода 1450-1475 гг. [14, с. 408; ср.: 36, с. 294-295; 43, с. 393-394; 44, с. 231]. Вместе с монетой Хаджи Гирея это позволяет датировать засыпь ямы № 34 очень узким промежутком времени — между 1453 и 1462 гг. (дата строительства помещения Н).

С такой датировкой комплекса согласуется присутствие в нем других групп керамических материалов дворцового времени, имеющих, правда, более широкую хронологию — красноглиняной черепицы из плотного теста, амфор класса 52 по ХК-95 и тарных кувшинов с широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба группы ЮЗК, кухонных сосудов группы ЮЗК — горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 34, 5-7) и кувшинов с двустольчатой ручкой, кухонных сосудов группы ГРВ, поливной монохромной и полихромной керамики группы ЮЗК этого времени с орнаментом в технике «сграффито» или неорнаментированной (рис. 6, 3; 7, 3; 34, 8, 10-11; 35, 1-2), золотоордынской кашинной посуды под монохромной зеленой кроющей глазурью группы «псевдоселадон» (рис. 34, 9). Скорее всего, так же датируется археологически целая миска под монохромной синей глазурью («Monochrome (Blue) Ware»), обнаруженная в яме Р. Х. Лепером в 1912 г. (рис. 7, 2). Отсутствие каких-либо аналогий ей среди опубликованных материалов из раскопок памятников XV в. в Крыму предполагает импортное происхождение изделия, вероятнее всего, византийское, хотя вопрос требует дополнительного изучения.

Как «примесь снизу» рассматриваются в 1-м слое заполнения ямы № 34 фрагменты раннесредневековых амфор, с датировкой от IV в. (узкогорлые светлоглиняные типа F по Шелову) до IX-X в. («причерноморские» класса 24 по ХК-95), а также импортных византийских поливных сосудов группы «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР» («Димитрий») (рис. 6, 2; 35, 3-4). Вероятнее всего, указанный фрагмент миски с монограммой «ДМР» попал в слой из нижнего горизонта заполнения ямы, о чем ниже.

К сожалению, детальная хронология глазурованной керамики с монограммами, встречающейся на памятниках Причерноморья в поздневизантийский период, остается пока слабо разработанной, хотя это, безусловно, важнейший датирующий материал. Не являются исключением и интересующие нас сосуды с монограммой в

виде аббревиатуры «ДМР», которые исследователи вынуждены датировать в широких пределах всего периода правления византийских императоров из династии Палеологов (1261-1453 гг.) [36, с. 293], либо соотносить их с общим периодом бытования поливных изделий группы «Elaborate Incised Ware» в конце XIII — XIV вв. [54, р. 123]. В этой связи чрезвычайно ценным является недавнее замечание о том, что в Крыму и в Приазовье группа керамики «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР», встречается только в археологических комплексах середины — второй половины XIV в. [2, с. 33, рис. 5, 10; 1, с. 162, рис. 8, 2; 46, с. 111; 49, с. 144]. Соглашаясь с ним в целом, мы, тем не менее, не исключаем и более позднего поступления таких высокохудожественных импортных изделий в крупные городские центры региона, вплоть до первой половины XV в. Наблюдения за стратиграфией Мангупского городища, как нам кажется, дают для этого основания¹⁰.

Из индивидуальных находок в слое отметим фрагменты кувшинов из прозрачного бесцветного стекла с напаянной синей стеклянкой нитью и вогнутым дном на фестоначатом кольцевом поддоне (рис. 35, 5-6), бронзовую каплевидную пуговицу с плакировкой желтым металлом (рис. 35, 7), известняковый шарик от пращи (рис. 35, 8) и пряслице из темно-серой гальки (рис. 35, 9), а также фрагмент известнякового блока с остатками надписи на греческом языке (рис. 36).

Археологический комплекс находок из 2-го слоя заполнения ямы № 34 менее выразителен (см. таблицу 13).

Пожалуй, лишь еще один фрагмент дна на кольцевом поддоне от византийского поливного сосуда группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий») имеет датирующий характер (рис. 37, 1). Его наличие в комплексе позволяет предварительно

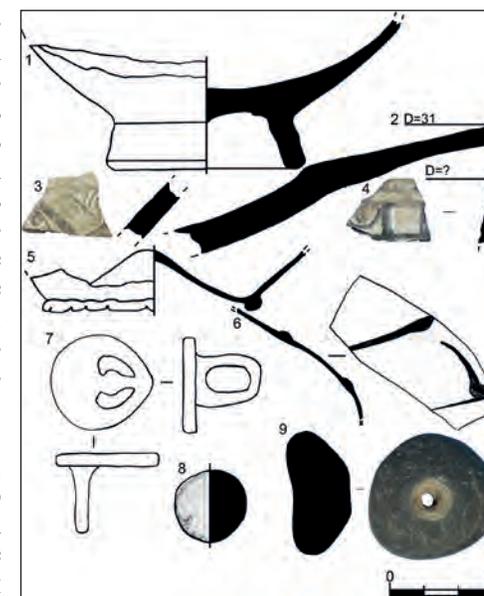

Рис. 35. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоев отвалов» в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

Рис. 36. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоев отвалов» в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

¹⁰ См., например, предварительную публикацию результатов раскопок дворца на участке «южной дворцовой площади», построенной в период, скорее всего, 1462-1475 гг. Ей предшествует горизонт хозяйственных сооружений и ям более раннего времени, из заполнения которых происходят археологически целые глазурованные сосуды группы «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР», и местные поливные изделия с монограммой имени одного из последних правителей Феодоро — князя Исаака [19, с. 131-132].

Таблица 13.

**Дворец. Раскопки 2008 г. Помещение Н. Яма № 34.
Атрибутированные группы керамики из 2-го слоя заполнения**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	17	40
2	Желобчатые красноглиняные пифосы	5	11,5
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 24 по ХК-95	9	21
4	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	2	4,5
5	Глазурованная керамика «Monochrome (Green, Yellow, Brown) Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	4	9
6	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий»), Византия, 1261-1453 гг.	1	2,5
7	Без атрибуции	5	11,5
	Итого:	43	100

отнести период функционирования ямы № 34 ко второй половине XIV — первой половине XV вв. Отметим также некоторые индивидуальные находки в слое — навесной железный замок (рис. 37,3) и фрагмент сосуда из прозрачного бесцветного стекла с вертикальным оплавленным краем (рис. 37,2).

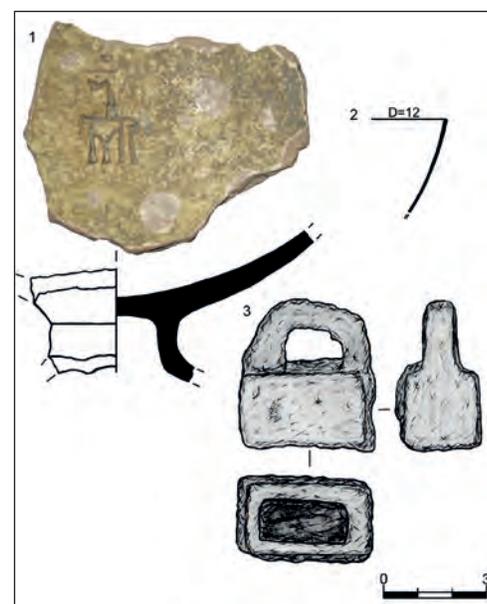

Рис. 37. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из 2-го слоя заполнения ямы № 34 в северо-западном углу здания.

Скальное сооружение под западной стеной помещения Н имеет двуслойное заполнение (рис. 9; 12, I; 17). Его верхним горизонтом (слоем № 1) на всей площади постройки является серо-коричневый плотный грунт, насыщенный разномерным бутовым камнем и крупными фрагментами черепицы, мощностью до 0,35 м. По структуре он мало чем отличается от нижнего (надскального) культурного горизонта на участке исследований, который зафиксирован за границами помещения Н и скального сооружения. Последний, несомненно, имеет естественное происхождение и сформировался в течение длительного отрезка времени, значительно ранее строительства здесь построек дворцового ансамбля. Его хронология определяется в пределах XIV в., хотя, в равных пропорциях с датирующими находками, в слое присутствуют материалы ранневизантийского (V-VII вв.) и фемного (середина IX — середина XI вв.) периодов

в истории Мангупа. Для нас безусловный интерес представляет наиболее поздняя монета в комплексе артефактов IX-XI вв. с монограммой «рѠ» на аверсе, которая датируется временем византийского императора Романа IV Аргира (1067-1071) и, скорее всего, определяет верхнюю границу этого периода на данном участке городища.

Несмотря на структурную близость общего нижнего культурного горизонта на участке исследований и 1-го слоя заполнения скального сооружения под западной стеной помещения Н, археологический комплекс находок последнего имеет серьезные отличия, что заставляет рассматривать его как отдельный закрытый объект исследования. Обнаруженные в нем категории керамических находок сведены в отдельную таблицу 14.

Таблица 14.

Дворец. Раскопки 2015 г. Скальное сооружение под западной стеной помещения Н. Атрибутированные группы керамики из 1-го слоя заполнения

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из плотного глиняного теста с рельефной меткой «ФЕ»	234	46
2	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из рыхлого глиняного теста	24	4,7
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1, 2 и 4	55	10,7
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 и высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	141	27,6
5	Лепная и гончарная кухонная керамика IX-X вв.	39	7,6
6	Кувшины «скалистинского» типа	12	2,3
7	Без атрибуции	6	1,1
	Всего:	511	100

Первое и наиболее важное замечание к этой таблице касается общей хронологии основных групп керамического материала. Лишь 10% с небольшим находок датируется ранневизантийским временем («примесь снизу», обычная для многослойных поселений), либо не поддается точной атрибуции. Весь остальной материал уверенно относится к фемному периоду в истории Мангупа [о его хронологии см.: 17, с. 92-94]. Здесь важно отметить полное отсутствие в комплексе артефактов дворцового времени, в том числе и традиционных для такого рода культурных горизонтов на дворце створок раковин устриц [19, с. 131].

Археологические находки IX-XI вв. представлены фрагментами строительной, тарной, кухонной и столовой керамики. Комплекс черепицы состоит из двух групп керамид и калиптеров. Прежде всего, это ангобированная черепица из плотного хорошо промешанного глиняного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц. Особенностью ее является серия калиптеров с рельефной меткой в виде греческих букв «фита» и «эпсилон» («ФЕ»), не характерной для культурных горизонтов феодоритского времени на городище (рис. 38; 39, I). Ближайшей аналогией этой группы строительной керамики на Мангупе является черепица 1-й группы из рухнувшей в конце IX — начале X вв. крыши постройки на месте поселения в Лагерной балке [33, с. 177-179, рис. 3-4]. Другая, немногочисленная, группа черепицы из верхнего слоя заполнения скального сооружения представлена ангобированными керамидами и калиптерами, сформированными из рыхлого плохо промешанного теста с известко-

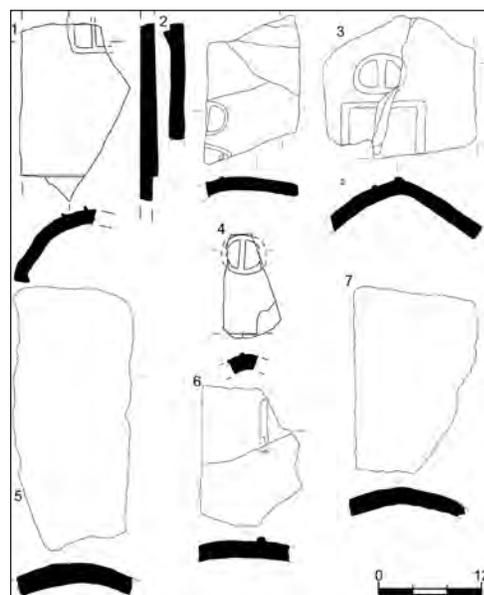

Рис. 38. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

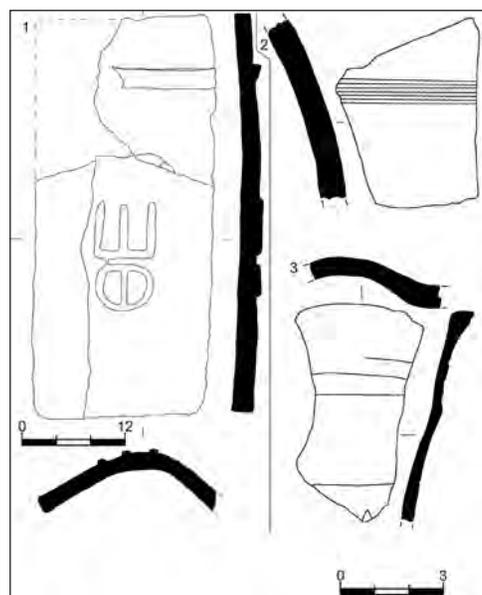

Рис. 39. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

выми разводами и крупными включениями шамота, железистых частиц и толченой гальки. Она известна по «слою разрушения» постройки в Лагерной балке (группа 3) [33, с. 177-179, рис. 3-4], а также в других закрытых археологических комплексах IX-X вв. на территории Мангупского городища и памятниках его округи [37, с. 325, рис. 1,1; 7, с. 393; 15, с. 253]. Морфологически ее отличают крупные размеры, высокий (до 6,0-6,5 см) подпрямоугольный в сечении боковой бортик с пальцевым желобком вдоль него, слабо выраженный нижний коленчатый изгиб и отсутствие (или слабая выраженность) верхнего бортика и водосливных валиков.

Тарную керамику в комплексе характеризуют обломки разнообразных вариантов «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 39,2; 40; 41,1-5), а также небольшое количество фрагментов (всего 4) высокогорлых кувшинов с плоскими ручками класса 41 по ХК-95 (рис. 41,6) [об их общей хронологии см.: 38, с. 35-57]. Кухонная бытовая керамика включает лепные горшки с подработкой на гончарном круге (характерная особенность — обильная примесь шамота в глиняном тесте и следы шамотированной подсыпки на плоском дне) (рис. 42,1-5) [15, с. 256-257], а также гончарные кувшины со сложно профилированным горлом (рис. 39,3). Столовые изделия представлены фрагментами кувшинов «скалистинского» типа, украшенных росписью линиями светлого ангоба (рис. 42,6-8) [о них см.: 38, с. 60-63]. Наконец, из верхнего слоя засыпки скального сооружения извлечены немногочисленные индивидуальные находки — красноглиняные неорнаментированные пряслица (рис. 42,9-10), бронзовая подвеска восьмеркообразной формы (рис. 42,12), фрагмент оконного зеленоватого прозрачного стекла (рис. 42,11) и пентануммий времени Юстиниана I (527-565).

Нижним горизонтом (слой № 2) заполнения скального сооружения является серый плотный грунт с известняковой крошкой, поверхность которого изобилует пят-

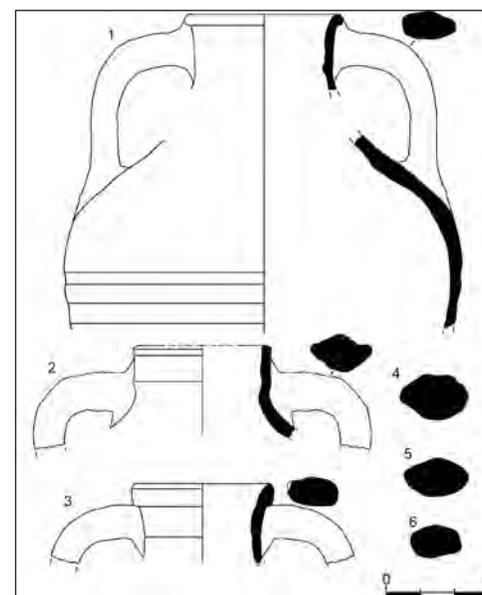

Рис. 40. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

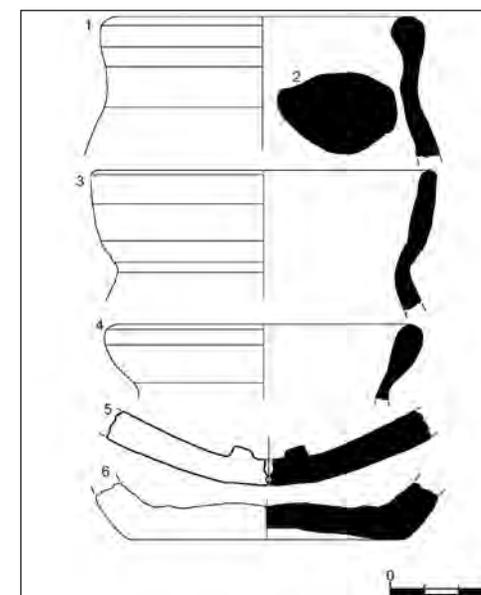

Рис. 41. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

нами разложившегося (деструктурированного) известкового раствора и скоплением угольков (возможно, слабо сохранившийся «слой пожара»). Зафиксирован только в восточной части постройки, где он выступал, вероятно, ее «полом» мощностью до 0,10 м. На поверхности горизонта зачищен плотный завал черепицы, керамических сосудов и крупных обломков мергелевых плит (остатки вымостки?) (рис. 17,а). Находки из этого развала керамики и собственно 2-го слоя заполнения сооружения, объединенные в единый список, являются закрытым археологическим комплексом, сформировавшимся в узкий отрезок времени (см. таблицу 15).

По своей структуре, комплекс находок из 2-го слоя заполнения скального сооружения мало чем отличается от выше лежащего культурного горизонта (1-го слоя заполнения постройки). Таким образом, их можно рассматривать как одновременные при датировке памятника.

«Примесь снизу» во 2-м слое заполнения (обломки ранневизантийских амфор типа V по ХК-71 и классов 1 и 2 по ХК-95) состав-

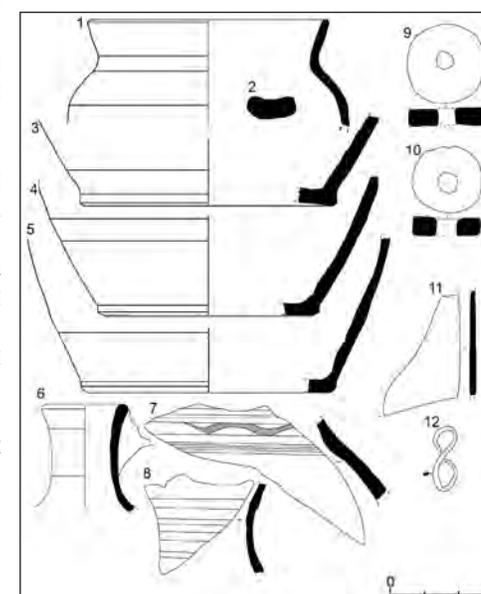

Рис. 42. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

Таблица 15.

Дворец. Раскопки 2015 г. Скальное сооружение под западной стеной помещения Н. Атрибутированные группы керамики из 2-го слоя заполнения

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из плотного глиняного теста с рельефной меткой «ФЕ»	135	49
2	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из рыхлого глиняного теста	21	7,6
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95	27	9,7
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 и высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	55	19,8
5	Лепная лощеная керамика V-VII вв.	4	1,4
6	Салтово-маяцкая керамика	2	Менее 1
7	Лепная кухонная керамика IX-X вв.	23	8,3
8	Кувшины «скалистинского» типа	4	1,4
9	Вьючные фляги	5	1,8
	Всего:	277	100

ляет не более 10% от общего числа находок. Строительная керамика представлена фрагментами двух групп керамид и калиптеров из плотного (рис. 43, 1; 44-45) и рыхлого (рис. 43, 2-3) глиняного теста, на которых фиксируются рельефные метки в виде греческих букв «Г» («гамма») и «ФЕ». Группа тарных сосудов состоит из обломков «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 47, 1-2) и целого экземпляра высокогорлого кувшина с плоскими ручками (рис. 47, 3). Кухонная керамика включает фрагменты лепной с подработкой на гончарном круге керамики IX-X вв. (рис. 46, 1-3) и крупный обломок дна от салтово-маяцкого горшка, украшенного сплошным гребенчатым рифлением корпуса (рис. 46, 4), столовая керамика — стенки традиционных для этого времени кувшинов «скалистинского» типа. Отметим наличие в комплексе редкой для Мангупа вьючной красноглиняной фляги IX-X вв. (рис. 48) [об их хронологии см.: 38, с. 58-60].

В целом, с учетом стратиграфических наблюдений, преобладания в заполнении фрагментов «причерноморских» амфор, лепной с подработкой на гончарном круге кухонной керамики, «скалистинских» кувшинов, наличия археологически целых экземпляров высокогорлого кувшина и фляги, время засыпи скального сооружения может быть отнесено к достаточно узкому промежутку времени, в пределах конца IX — первой половины X вв.

Хронология и строительная периодизация. Анализ зафиксированной в процессе раскопок помещения Н стратиграфии и полученных археологических комплексов находок позволяет установить хронологию и строительную периодизацию открытых сооружений дворцового и поддворцового времени в этой части резиденции правителей княжества Феодоро.

Наиболее ранней постройкой на участке исследований, значительно предшествующей по времени дворцовому ансамблю XV в., является скальное сооружение конца IX — первой половины X вв., перекрытое западной стеной помещения Н. К сожалению, из-за значительной разрушенности строительного комплекса в бо-

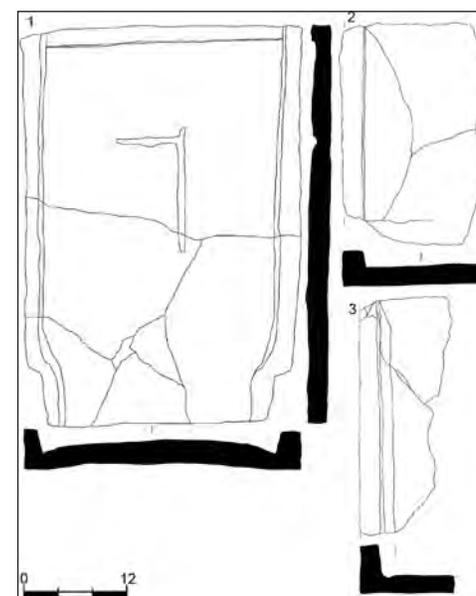

Рис. 43. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

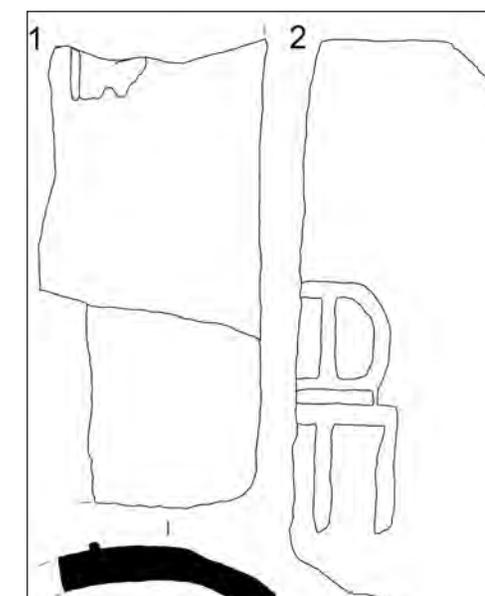

Рис. 44. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

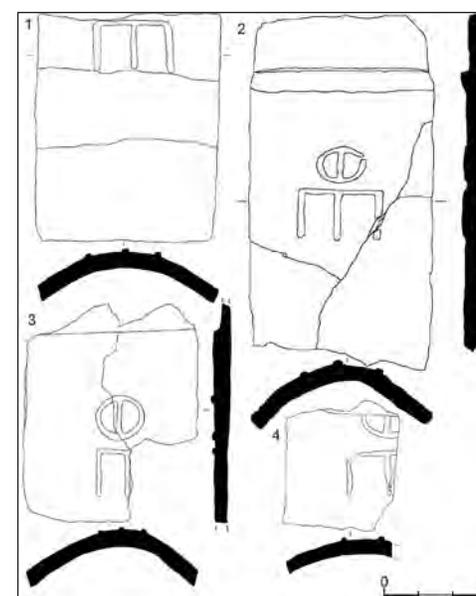

Рис. 45. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

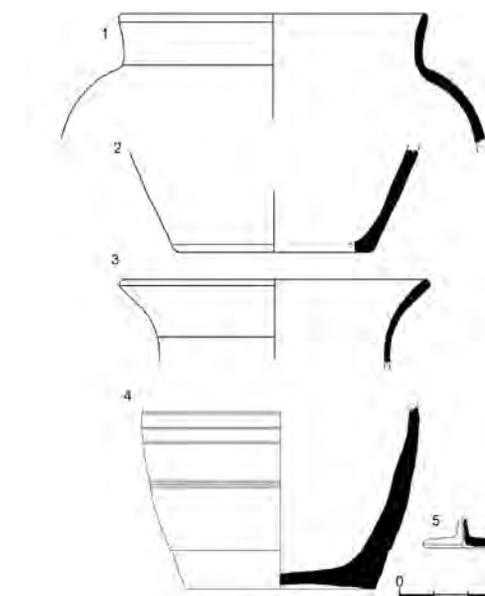

Рис. 46. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

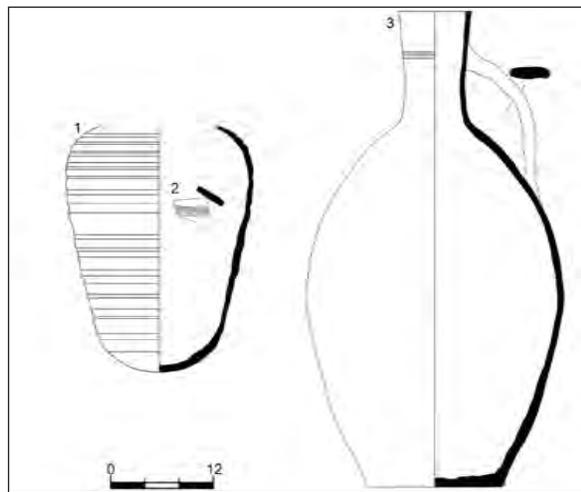

Рис. 47. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

находок из нижнего горизонта заполнения ямы позволяет датировать время функционирования этого здания только в широких пределах второй половины XIV — первой половины XV вв. Окончательная засыпь ямы № 34 и ее нивелировка происходит в период 1453-1462 гг. при сооружении на этом месте помещения Н.

Хронология помещения Н укладывается в узкий промежуток времени — в пределах 1462-1475 гг. Этим же периодом датируется очаг в северо-восточном углу постройки — наиболее поздний объект на участке исследований. Гибель здания, очевидно, связана с событиями 1475 г. в истории Мангупа.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть два важных момента, следующих из результатов раскопок помещения Н Мангупского княжеского дворца и под-

Рис. 48. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

лее позднее время, мы можем лишь предполагать его изначальный жилой характер. В любом случае, к началу активного использования данного участка Мангупского плато в XIV в. от контура здания практически ничего не сохранилось, что исключило возможность его включения в том или ином виде в формирующуюся систему городской застройки.

Застройка XIV в., непосредственно предшествующая дворцовому комплексу, также сильно пострадала в процессе последующего строительства. На площади раскопа от нее сохранились лишь слабые остатки постройки, представленные скальной ступенью вдоль южной стены помещения Н и ямой № 34 в его северо-западном углу. Анализ

находок из нижнего горизонта заполнения ямы позволяет датировать время функционирования этого здания только в широких пределах второй половины XIV — первой половины XV вв. Окончательная засыпь ямы № 34 и ее нивелировка происходит в период 1453-1462 гг. при сооружении на этом месте помещения Н.

Хронология помещения Н укладывается в узкий промежуток времени — в пределах 1462-1475 гг. Этим же периодом датируется очаг в северо-восточном углу постройки — наиболее поздний объект на участке исследований. Гибель здания, очевидно, связана с событиями 1475 г. в истории Мангупа.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть два важных момента, следующих из результатов раскопок помещения Н Мангупского княжеского дворца и под-

готовки их материалов к изданию. Во-первых, публикуемый археологический комплекс является одним из эталонных для характеристики материальной культуры столицы княжества Феодоро в последние десятилетия его истории и установления объективной периодизации дворцового комплекса Мангупа. Во-вторых, выполненная работа показывает важность систематического и всестороннего изучения памятника, с учетом неопубликованных материалов раскопок в прежние годы и хранящихся в музеях России фондовых собраний. В нашем случае обращение к одному из таких музейных собра-

ний — коллекции Р. Х. Лепера из раскопок Мангупского городища в 1912-1913 гг. в Государственном Эрмитаже, позволило значительно расширить возможности исследования данного археологического комплекса и получить узкую дату его образования. Нам представляется, что это не последнее открытие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский И. В., Масловский А. Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 160-177.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII — конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20-36.
- [Браун Ф. А.] Отчет об археологических исследованиях Ф. А. Брауна в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890. Л. 1-34.
- Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 419-429.
- Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 263-264.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.
- Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233-298.
- Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 18-19.
- Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.) // БИАС. Симферополь: Антиква, 2008. Вып. 3. С. 228-246.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389-431.
- Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь: Боспор, 2010. С. 96-105.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв.: материалы международного семинара. С. 227-253.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. С. 387-419.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — середина X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Лавров В. В. Археологические раскопки Мангупского городища // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь: Антиква, 2014. С. 203-209.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88-100.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии

- Мангупского городища и его округи (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // УЗ КФУ. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т. 1(67). № 2. С. 3-28.
19. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. № 243. С. 127-147.
 20. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.
 21. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 116-138.
 22. Душенко А. А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 292-302.
 23. Душенко А. А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 333-352.
 24. Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222-247.
 25. Залеская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. С. 370-374.
 26. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.
 27. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 9-21.
 28. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. №49. С. 266-269.
 29. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
 30. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.
 31. Лепер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Пг., 1918. С. 72-84.
 32. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск)
 33. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности-2011. Харьков, 2011. С. 172-190.
 34. Моисеев Д. А. Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 179-192.
 35. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
 36. Мыц В. Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 288-305.
 37. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 324-340.
 38. Науменко В. Е. Амфоры. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками. Фляги. Столовая посуда // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII-X вв. Киев: АДФУ-Украина, 2009. С. 35-64.
 39. Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунауч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93-95.
 40. Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 313-324.
 41. Новицкая М. А. Орнаментальная вышивка средневекового Крыма // ЗОАО. Одесса, 1967. Т. II(35). С. 284-288.
 42. Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.

43. Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 385-410.
44. Тесленко И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II. Хронология // Древности-2012. Харьков, 2012. С. 223-236.
45. Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV-XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495-512, 547-560.
46. Тесленко И. Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунауч. семинара. Севастополь, 2014. С. 109-112.
47. Тесленко И. Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV-XV вв. // Stratum plus. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 125-163.
48. Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV вв.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 428-436.
49. Тесленко И. Б. Керамика Фуны «золотоордынского времени» (анализ материалов из комплексов, предшествующих строительству феодоритской крепости) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. IV. С. 132-157.
50. Тиханова М. А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
51. Уваров А. С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 7-15.
52. Якобсон А. Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390-418.
53. François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 195-208.
54. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.

REFERENCES

1. Belinskij I. V., Maslovskij A. N. Importnaya polivnaya keramika Azaka (XIV v.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 160-177.
2. Bocharov S. G., Maslovskij A. N. Vizantijskaya polivnaya keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ya zolotoordynskogo perioda (vtoraya polovina XIII — konec XIV vv.). *Povolzhskaja arkheologija*, 2012, No. 1, pp. 20-36.
3. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah F. A. Brauna v 1890 g. *Arhiv Instituta istorii mirovoi kul'tury RAN*, Fond 1, Delo 40/1890.
4. Vejmar E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nyh sten i nekropolya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 419-429.
5. Vejmar E. V., Ivanov L. I. Raskopki na Mangupe. *Arheologicheskie otkrytiya 1974 goda*, Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 263-264.
6. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. *Peshchernye cerkvi Mangupa*. Simferopol, Tavriya Publ., 1996, 128 p.
7. Gercen A. G., Zemlyakova A. Yu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysy Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006. Vol. XII, pp. 371-494.
8. Gercen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastrojki (XVI-XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 233-298.

9. Gercen A. G. Sasanidskij persten' iz raskopok Mangupa. *Tezisy dokladov i soobshchenij IX Mezhdunarodnoj Krymskoy konferenciyi po religiovedeniyu «Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta»*, Sevastopol, 2007, pp. 18-19.
10. Gercen A. G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX v.). *Bakhchisaraiskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Antikva Publ., 2008, Vol. 3, pp. 228-246.
11. Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastrojki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV, pp. 389-431.
12. Gercen A. G. Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupa. *Otkroveniya drevnego Solhata*, Kerch, Bospor Publ., 2010, pp. 96-105.
13. Gercen A. G., Naumenko V. E. Oktagonal'naya cerkov' citadeli Mangupa (Krym): voprosy hronologii i arhitekturnoj kompozicii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX-XII vv.: materialy mezhdunarodnogo seminar, pp. 227-253.
14. Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskij kompleks tret'ej chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LI. Vizantiya v kontekste mirovoi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi konferencii, posviashchennoi pamiati A. V. Bank, pp. 387-419.
15. Gercen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastrojki (seredina IX — seredina X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 240-295.
16. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Lavrov V. V. Arheologicheskie raskopki Mangupskogo gorodishcha. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, Antikva Publ., 2014, pp. 203-209.
17. Gercen A. G., Naumenko V. E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogenij i prirodno-geograficheskij kontekst. *XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium*, Kerch, 2015, pp. 88-100.
18. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V. Novye materialy k izucheniyu istoricheskoi topografii Mangupskogo gorodishcha i ego okruzi (po rezul'tatam mezhdisciplinarnykh issledovanij 2015 g.). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, Simferopol, 2015, T. 1(67), No. 2, pp. 3-28.
19. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V. Rezul'taty mezhdisciplinarnykh issledovanij Mangupskogo gorodishcha v 2015 g. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, Moscow, 2016, No. 243, pp. 127-147.
20. Gercen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya civilizaciya*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247-258.
21. Danilenko V. N., Romanchuk A. I. Polivnaya keramika Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1969, Vol. 6, pp. 116-138.
22. Dushenko A. A. Detali vooruzheniya iz kosti i roga iz raskopok Mangupa (po materialam 1990-2010 gg.). *Drevnosti-2013*, Har'kov, 2013, pp. 292-302.
23. Dushenko A. A. Kostyanye diskovidnye pugovicy s koncentricheskimi ornamentami iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 333-352.
24. Dushenko A. A. Igral'nye prindlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 222-247.
25. Zalesskaya V. N. Balkanskaya polivnaya keramika v Severnom Prichernomor'e v pozdnee srednevekov'e. *Preslav*, Sofiya, 1993, pp. 370-374.
26. Zalesskaya V. N. Pamyatniki vizantijskogo prikladnogo iskusstva. Vizantijskaya keramika IX-XV vv. Katalog kolekcii. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, 256 p.
27. Latyshev V. V. Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii. *Izvestiya Arkheologicheskoi komissii*, 1918, Vol. 65, pp. 9-21.
28. Leper R. H. Protokoly zasedanij Tavricheskoi Uchenoi Arhivnoj Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1913, T. 49, pp. 266-269.
29. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. *Izvestiya Arkheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
30. Leper R. H. Protokoly zasedanij Tavricheskoi Uchenoi Arhivnoj Komissii. Zasedanie 30 yanvarya 1914 g. (soobshchenie R. H. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.). *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1914, T. 51, pp. 297-300.
31. Leper R. H., Moiseev L. A. Raskopki na Mangupe. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1913-1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72-84.
32. Malickij N. V. Zametki po ehpiigrafike Mangupa *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1933, Vol. 71, 47 p.
33. Moiseev D. A. Arheologicheskij kompleks stroitel'noy keramiki IX-X vv. iz raskopok poseleniya v Lagernoj Balke (Mangup). *Drevnosti-2011*, Harkov, 2011, pp. 172-190.
34. Moiseev D. A. Srednevekovaya plinfa Mangupskogo gorodishcha. *Drevnosti-2013*, Har'kov, 2013, pp. 179-192.
35. Myc V. L. *Ukrepneniya Tavriki X-XV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 164 p.
36. Myc V. L. Istoriko-kul'turnyj kontekst nekotorykh bukv, monogramm i nadpisej na polivnoj keramike Kryma XIV-XV vv. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 288-305.
37. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhiya Mangupa. *Bakhchisaraiskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. I, pp. 324-340.
38. Naumenko V. E. Amfory. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Flyagi. Stolovaya posuda. *Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arheologicheskie komplekсы VIII-X vv.*, Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 35-64.
39. Naumenko V. E., Dushenko A. A. Vizantijskaya glazurovannaya keramika iz raskopok Dvorca pravitelej knyazhestva Feodoro (Mangup): po materialam issledovanij 2006-2010 gg. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar "Polivnaya keramika Prichernomor'ya — Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu vizantijskoj civilizacii"*, Sevastopol, 2014, pp. 93-95.
40. Naumenko V. E., Dushenko A. A. K istorii arheologicheskogo izucheniya Mangupa. Raskopki R. H. Lepera v 1912-1914 gg. (po materialam kolekcii Gosudarstvennogo Ermitazha). *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya*. Kerch, 2016, pp. 313-324.
41. Novickaya M. A. Ornamental'naya vyshivka srednevekovogo Kryma. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva*, Odessa, 1967, T. II(35), pp. 284-288.
42. Surov E. G. Raskopki dvorca XV v. na plato Mangupa v Krymu. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, Moscow, 1972, Vol. 129, pp. 96-99.
43. Teslenko I. B. Tureckaya keramika s rospis'yu kobal'tom v Krymu (problemy hronologii). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 385-410.
44. Teslenko I. B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoe proizvodstvo do tureckogo perioda). Part II. Hronologiya. *Drevnosti-2012*, Har'kov, 2012, pp. 223-236.
45. Teslenko I. B. Odnazh iz goncharnykh tradicij Tavriki XIV-XV vv. (keramika grupy Yugo-Zapadnogo Kryma). *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2014, Vol. I, pp. 495-512, 547-560.
46. Teslenko I. B. Vizantijskaya keramika grupy «Elaborate Incised Ware» iz usadeb XIV v. gorodishcha Lusta (sovremennaya Alushta, Krym). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar "Polivnaya keramika Prichernomor'ya-Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu vizantijskoj civilizacii"*, Sevastopol, 2014, pp. 109-112.
47. Teslenko I. B. Pifosy iz arheologicheskikh kompleksov Tavriki XIV-XV vv. *Stratum Plus. Genuezhskaya Gazariya i Zolotaya Orda*, Kishinev, 2015, pp. 125-163.
48. Teslenko I. B. Odnazh iz grup nepolivnoj keramiki Kryma XV vv.: hronologiya i ehvoluciya. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2015, Vol. II, pp. 428-436.
49. Teslenko I. B. Keramika Funy «zolotoordynskogo vremeni» (analiz materialov iz kompleksov, predshestvuyushchih stroitel'stvu feodoritskoj kreposti). *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2016, Vol. IV, pp. 132-157.
50. Tihanova M. A. Mangup. Otchet (raskopki 1938 g.). *Bazilika. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 334-389.
51. Uvarov A. S. Komandirovka grafa na issledovanie yuzhnykh gubernij. *Uvarov A. S. Sbornik melkih trudov. T. III. Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arkheologii*, Moscow, 1910, pp. 7-15.

52. Yakobson A. L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorec. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 390-418.
53. Frontois V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'époque Paléologue. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 195-208.
54. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.

Науменко В. Е., Душенко А. А.

Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований)

Резюме

В статье публикуются полные результаты археологических исследований помещения Н княжеского дворца Мангупского городища в 2008-2009 и 2015 гг.

Помещение Н является одним из определяющих для установления хронологии и характеристики функционального назначения южного участка дворцового комплекса, сооружения которого сосредоточены вдоль «южной дворцовой улицы» — топографической границы дворца в этом направлении. В ходе подготовки публикации удалось значительно пополнить коллекцию находок за счет группы показательных глазурованных сосудов из первоначальных исследований Р. Х. Лепером помещения Н в 1912 г. Сейчас эти изделия хранятся в фондовом собрании Государственного Эрмитажа.

Хронология помещения Н относится к узкому промежутку времени — в пределах 1462-1475 гг. Оно было построено на месте более ранней городской застройки. От этой застройки сохранился ряд хозяйственных и жилых комплексов — яма № 34, засыпанная окончательно при возведении помещения Н около 1462 г., а также скальное сооружение первой половины X в. Гибель помещения Н связана с событиями штурма Мангупа турецкой армией в 1475 г.

Ключевые слова: Мангупское городище, дворец, княжество Феодоро, помещение Н, глазурованная керамика, Византия, монограмма.

Naumenko V. E., Dushenko A. A.

Prince's Palace in Ancient Mangup: Room N in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R. Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches)

Summary

This article publishes full results of archaeological researches of Room N of the Prince's Palace in Ancient Mangup in 2008-2009 and 2015.

Room N was among the most important complexes allowing us to determine the chronology and the function of the southern area of the palace complex which rooms concentrated along the "southern palace street", the topographical border of the palace in this direction. Preparation of this publication considerably enlarged the collection of finds with a group of demonstrative glazed vessels from R. Kh. Leper's initial excavations in Room N in 1912. Today these finds reside in the collection of the State Hermitage Museum.

The chronology of Room N embraces narrow period within 1462-1475 AD. This structure was built on the site of former urban buildings. There are several residential and economic buildings survived in this area, such as Pit no. 34, which was finally covered with soil when building Room N ca. 1462, and bedrock construction from the mid-tenth century. Room N collapsed in relation to the assault of Mangup by the Ottoman army in 1475.

Keywords: ancient Mangup, palace, Theodoro principality, Room N, glazed ware, Byzantium, monogram.

Н. В. КАШОВСКАЯ

**К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ КАРАИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ
В УЩЕЛЬЕ ТАБАНА-ДЕРЕ (МАНГУП):
ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ¹**

Караимский некрополь Мангупского городища, расположенный в ущелье Табана-дере, является одним из наиболее известных и одновременно одним из наиболее изученных иудейских некрополей в Крыму. О нем сохранили описания первые исследователи городища еще в конце XVIII — начале XIX вв. С 1830-х гг. некрополь становится объектом пристального научного интереса².

П. С. Паллас в своих «Наблюдениях, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг.» приводит сведения о Мангупе, относящиеся к самому концу XVIII в., когда его обитатели уже покидали городище. В традиционной для литературы этого времени форме он сообщает, что город оставался населенным лишь в кварталах, которые примыкали к синагоге и где «несколько домов занимали жиды». П. С. Паллас обратил внимание на формы надгробий местного кладбища, отметив там только «двурогие гробницы». По его мнению, «еврейское» кладбище доказывало, что «здесь жил этот народ» [48, с. 64]. Оставленные развалины крепостных сооружений и церквей, за исключением мусульманской застройки, академик связывал с генуэзским периодом и пояснял, что «основание города не относится к очень глубокой древности» [48, с. 65].

Позже, в 30-х гг. XIX в., в путешествие по Крыму отправляется другой ученый немец, П. И. Кеппен [27, с. 26]. Он много путешествует, пишет путевые заметки, собирает старые легенды. По настоятельному совету Мордехаи Султанского, законоучителя из Луцка, «караимского раввина», по словам самого П. И. Кеппена, в 1833 г. автор будущего «Крымского сборника» предпринял путешествие на Мангуп, которое имело большое значение для решения вопроса о времени появления иудейской общины на памятнике

¹ Когда завершено обобщение многопланового материала, хочу еще раз выразить свою сердечную признательность Александру Германовичу Герцену, который на протяжении многих лет оказывал мне поддержку и содействие в полевых изысканиях в ущелье Табана-Дере. Моя огромная благодарность всем, кто помогал собирать полевую информацию и ее обрабатывать долгие годы: художникам и архитекторам — Никифоровой Татьяне, Буряковой Светлане, фотографам — Бушневу Евгению, Медведеву Павлу, Гезенцеву Александру, Варшаверу Евгению, Хейфецу Михаилу; топографам — Клыпину Николаю, Иванову Виталию; волонтерам — Беловой Светлане, Ивановой Светлане, Цветковой Кире, Кашаеву Сергею, Старкову Михаилу, Иванову Алексею, Сорокину Владимиру, Кизилову Михаилу и многим другим, которые поднимались на плато Мангуп на день-два туристами, и оседали на недели. Они были безотказными водоносами, дровосеками, кашеварами — неопенимыми участниками отряда, налаживавшими его повседневную жизнь. Невозможно выразить словами на отведенных страницах ту теплоту друзей и помощников, которая поддерживала и согревала сильнее костра.

² В настоящее время это большая группа ученых филологов и археологов-эпиграфистов из России, Украины, Израиля, среди них: А. Л. Хосроев, Артем Федорчук, Михаэль Эзер (Макушкин), Дан Шапиро и автор статьи.